

Assassin's Creed. Последние потомки. Гробница хана

Автор:

Мэтью Кирби

Assassin's Creed. Последние потомки. Гробница хана

Мэтью Дж. Кирби

Assassin's Creed

Оуэн и его друзья опоздали. Им удалось совершить невозможное, но они все равно проиграли. Когда они обнаружили первую часть древней и могущественной реликвии, долгое время считавшейся легендой, – Трезубца Эдема – казалось, мало что может их остановить. Частицу искали и Братство ассасинов и Орден тамплиеров, но ее украла неизвестная третья сила прежде, чем ей смогла завладеть одна из сторон. И без того хрупкие отношения подростков рушатся – Оуэн и его друг Хавьер принимают сторону ассасинов, остальные – тамплиеров.

И все же, надо найти еще две частицы Трезубца Эдема, и обе группы настроены не повторить своих ошибок. Предполагается, что следующая частица похоронена с монгольским ханом-завоевателем Мункэ (внуком Чингисхана). Но местоположение гробницы неизвестно. Подростки по обе стороны противостояния вынуждены входить в симуляции раздираемого войной монгольского Китая, состязаясь, кто быстрее обнаружит следующую частицу. Но главное – им нужно обеспечить свою безопасность, прежде чем их найдут враги.

Мэтью Дж. Кирби

Assassin's Creed. Последние потомки. Гробница хана

© 2016 Ubisoft Entertainment. All Rights Reserved. Assassin'S Creed, Ubisoft, and the Ubisoft Logo Are Trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

Russian Edition published by AST Publishers by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA.

Глава 1

Китай, 1259 год

Затаив дыхание, Наталья ждала взрыва. С возвышающихся над ней крепостных стен артиллеристы империи Сун[1 - Государство в Китае, существовавшее с 960 по 1279 год.] только что дали очередной залп из своих орудий *fei yun pi-li rao*, издававших звуки, похожие на раскаты грома. Светящиеся красные снаряды прочертили дугу в ночном небе и со свистом обрушились на Орду Великого хана.

Она прикрыла уши руками и укрылась за валами, возведенными инженерами династии Цзинь. Несмотря на то, что насыпь содрогалась от каждого снаряда, комья земли летели в лицо Натальи, а от звуков орудий могли лопнуть барабанные перепонки, оборона держалась. Пока держалась.

Зной летнего дня, горячий и влажный, не дававший дышать, немного отступил. Густой едкий дым от черного пороха щипал глаза и нос Натальи.

Нет, его глаза и нос.

Глаза и нос предка Натальи, Баяна, бурятского воина из далеких северных степей. Но ожившие воспоминания этого человека, проходящие перед глазами Натальи, были не самым сложным в симуляции. Монгольская культура Баяна была ей чужда, их завоевательный поход через Европу и Азию казался ей чудовищным. Но эти же завоевания привнесли монгольскую кровь в ее русское и казахское семейное древо. История монгольских завоеваний была в некотором роде историей родословной Натальи.

Стоявший рядом с Баяном молодой воин дрожал, глядя вверх широко открытыми глазами, как будто от страха, что земляные сооружения сейчас рухнут на них. Каждый человек в армии хана видел, какой урон могло нанести оружие династии Сун, разносящее людей и лошадей в клочья металлом и огнем.

Образы Баяна становились все четче, и она позволила себе погрузиться в его воспоминания.

– Спокойно, – сказал Баян младшему воину. – Это всего лишь представление. Они хотят убедиться, что мы запомним наше сегодняшнее поражение у ворот Синь Донг.

Молодой воин сжал губы и кивнул:

– Неплохое представление.

Судя по его речи и внешнему виду, он был солдатом Тангутского царства[2 - Государство тангутов, существовавшее в 1038–1227 годах к северо-западу от китайского царства Сун и, позднее, чжурчжэньского Цзинь на территории современных китайских провинций Шэньси и Ганьсу.] и, вероятно, неопытным в сражениях. Он не был монголом-степняком и не участвовал в военных учениях и большой монгольской охоте – «джерге». Баян вспомнил свой первый опыт – впечатляющую линию пеших и конных воинов длиной около 130 километров; марширующий,двигающийся вперед, дисциплинированный строй, с правым и левым флангами. Они медленно продвигались вперед, методично сужая массивный круг, окружая дичь, до тех пор, пока стада диких животных не окажутся в центре круга на потеху Великого хана. Действие занимало месяцы и обучило самого Баяна и степные племена искусству войны.

Этот молодой солдат обретет мужество. А может быть, погибнет – либо от рук врага, либо Орда убьет его за трусость. Баяну нужно было проинструктировать десятника арбана[3 - Самая маленькая военная единица армии хана, насчитывавшая десяток воинов.], в котором служил юный воин, чтобы тот приглядывал за тангутом.

– Как тебя зовут? – спросил Баян.

– Чэнь Лунь, – ответил солдат.

Затем Баян спросил имена его прямых начальников, после чего сказал:

– Крепись, Чэнь Лунь. Хан Мункэ[4 - Четвертый великий хан (каган) (1251–1259) Монгольской империи, внук Чингисхана.] разобьет армию империи Сун, так же, как хан Угэдэй[5 - Третий сын Чингисхана и преемник своего отца в качестве кагана Монгольской империи (1229–1241).] победил династию Цзинь. Мы сотрем этот город с лица земли и убьем всех мужчин, женщин и детей.

Воин склонил голову:

– Так точно.

Оставив его, Баян пошел вдоль бастиона, осматривая свои войска, довольный их стойкостью и силой перед угрозой артиллерии воинов Сун, несмотря на жару и болезни этого места. На западе, позади защитных редутов хана, возвышалась большая гора, и ночью виднелись дальние огни Рыбацкого городка, находившегося на ней. Даже Аламут, крепость ассасинов в Персии, не так успешно противостояла осаде, как этот бастион. Расположение бастиона, окруженного широкими реками и крутыми склонами с трех сторон, давало ему неоспоримое естественное преимущество, подкрепляемое сооружениями военных инженеров династии Сун.

Но перед горой возникло еще одно укрытие – насыпь на Седельном Холме, которую по приказу хана соорудили его инженеры. Баян предполагал, что сооружение в конечном итоге облегчит нападение и даст им преимущество при захвате города. Некоторые считали это глупой демонстрацией гордыни Великого хана, но разве это гордыня, если так же поступал Бич божий[6 - Предводитель гуннов Аттила (?–453), захвативший ряд стран Европы в кровопролитных и жестоких набегах.], Император Мира?

В назначенный час Баян направился назад на восток к казармам на Львином Холме, присоединившись к девяти другим командирам его мингана[7 - Военная единица армии хана, насчитывавшая тысячу воинов.] в юрте их главнокомандующего. В большой, круглой, обитой войлоком палатке было душно. Несколько командиров кашляли, а другие выглядели бледными и ослабленными, хотя они прилагали все усилия, чтобы скрыть свою немощь. Баян

подумал, сколько воинов они потеряют вследствие чумы, когда все это закончится.

– У нас новый приказ, – сказал военачальник Куке. – Ван Дэчэнь возглавит нападение на ворота Ху Го. Сегодня ночью.

– Ван Дэчэнь? – спросил один из командиров.

– Да, – ответил Куке.

Ван Дэчэнь был самым доверенным полководцем Великого хана, его главнокомандующим. Здесь, в Рыбацком городке, Ван Дэчэнь был предводителем четырех туменов[8 - Наиболее крупная организационная тактическая единица монгольского войска XIII–XV веков, численность которой составляла обычно десять тысяч всадников.] Орды, каждый из которых насчитывал десять тысяч сильнейших воинов, профессионалов своего дела, умевших воевать как на воде, так и на суше. То, что Ван Дэчэнь лично возглавит нападение, позволяло судить, насколько важна эта атака.

Куке продолжил:

– После нашего поражения у ворот Синь Донг армия династии Сун не ожидает от нас новой атаки, тем более в ночное время. В распоряжении Ван Дэчэня только сильнейшие воины. Каждый из вас должен знать о состоянии бойцов вашего ягуна[9 - Военная единица армии хана, насчитывавшая сотню воинов.].

– Мои готовы, – Баян вытер струившийся со лба пот. – Все мои люди готовы к битве.

Куке оглядел остальных присутствующих в юрте:

– Что с остальными?

Некоторые из офицеров доложили об отсутствии потерь среди личного состава. Другие командиры формирований, в которых было много больных, могли поставить в строй только некоторые из своих арбанов. Куке приказал собрать всех бойцов.

– Соберите своих воинов и встречаемся возле южных укрытий через полчаса, – сказал он. – Дальнейшие приказы вы получите там.

Командиры разошлись, и Баян поспешил в казармы. Когда он шел, Наталья почувствовала новый приступ страха и полное истощение. Это было уже пятое сражение, которое она пережила вместе со своим предком с помощью симуляции Анимуса, и ей нужно было отдохнуть от зрелища крови и смерти.

– Я больше не могу, – сказала она, стараясь избавиться от воспоминаний Баяна. – Виктория, я не могу этого сделать.

Прошла минута, битва приближалась.

– Виктория?

– Ты в порядке, Наталья? – в ее сознании прозвучал женский голос с легким французским акцентом.

– Нет. Я думаю, мне нужен перерыв.

– Ну, твои жизненные показатели в норме, хотя пульс и кровяное давление слегка повышены.

– Вы думаете? – хотела сказать Наталья. Что же еще можно ожидать от своего кровяного давления прямо перед средневековым рукопашным боем?

– Мне нужен перерыв, доктор Бибо, – более решительно повторила Наталья.

– Ты уверена? Ты ведь знаешь, как это тяжело для тебя.

Баян только что добрался до казарм, и Наталья почувствовала его восторг перед началом сражения.

– Я уверена, – сказала она.

Минутная пауза. Наталье показалось, что в этой паузе «звучит» раздражение.

– Конечно. Подожди.

Наталья приготовилась к тому, что как она знала, должно было произойти, в то время как Баян готовился открыть огонь по артиллерии династии Сун. Только Наталья ждала совсем другого взрыва.

– Завершение симуляции через три, две, одну...

Мир вокруг Натальи, монгольский военный лагерь, звезды, влажная жара, запах дыма и крови – все эти образы проносились в ее мозгу в течение нескольких мучительных минут. Когда боль утихла, оставив только пепел от ее недавних виртуальных приключений, она оказалась в бесформенной пустоте Коридора Памяти, в переходном пространстве, предназначенном для упрощения процесса симуляции. Наталья не могла представить, что этот процесс может быть еще сложнее.

– Подожди немного. Успокойся.

Наталья не могла полностью избавиться от стресса, до тех пор, пока не вышла из симуляции, но она старалась очистить свой разум от воспоминаний Баяна, думая о своем. О родителях, дедушке и бабушке, своей прежней жизни до того момента, когда Монро нашел ее и вовлек в этот дурдом. Виктория научила ее улавливать воспоминания, связанные с конкретными вещами, – такими как звон колоколов русской православной церкви, в которую ходили ее бабушка и дедушка, или запах щей и пельменей, готовящихся на плите. Это были детали, которые были частью ее личности, и помогали снова найти себя, когда она терялась в чужой жизни.

Через несколько минут она глубоко вздохнула, чтобы подготовиться к худшему, и сказала:

– Я готова выйти.

– Отлично. Извлечение теменных контактов через три, две, одну...

Все внутренние органы и нервные окончания Натальи как будто вывернули наизнанку. Она не закричала, но все еще стонала, пока неприятное ощущение не

прошло, а затем Виктория сняла с нее шлем Анимуса. Наталья стояла в центре металлического кольца по пояс высотой, привязанная к нему ремнем вокруг туловища. Ее ноги были прикреплены металлическими зажимами к маленьким платформам на соединенных опорах под ней, руки привязаны к экзоскелету, повторявшему ее малейшие движения. В отличие от установки Монро, эта модель Анимуса фиксировала тело Натальи на месте, одновременно предоставляя полную свободу движений в процессе симуляции. Виктория помогла ей снять все приспособления.

– Не забывай дышать, – сказала женщина, выводя ее из кольца.

Наталья сделала шаг на дрожащих ногах. В зависимости от того, сколько и какие движения приходилось делать в процессе симуляции, новое устройство могло серьезно вымотать тело. Волны недомогания заглушали боль, и она почувствовала, как тошнота подкатывает к горлу.

– Мне нужно ведро, – сказала она, закрывая глаза. С открытыми глазами было только хуже.

– Оно здесь, – сказала Виктория.

Наталья повернулась на голос доктора и чуть приоткрыла правый глаз, чтобы отыскать ведро. Затем ее долго рвало, до тех пор, пока ее желудок не опустел и она не отдышалась.

– Все? – с участием спросила Виктория, поглаживая ее по волосам.

Тяжело дыша и спотыкаясь на ходу, Наталья направилась к койке в углу комнаты.

– Все, – ответила она.

Она услышала, как ведро с хлопанием уносит один из техников «Абстерго», и посочувствовала ему, но только на мгновение. В конце концов, это именно ей приходилось проходить сквозь ад.

Она попыталась чуть приоткрыть глаза, закрывая их от света ладонью.

– Долго я была там на этот раз?

– Три часа одиннадцать минут, – ответила Виктория, садясь рядом с ней.

– Кажется, что дольше, – сказала Наталья, хотя ей всегда так казалось.

– Хочешь поспать?

Наталья еще чуть шире открыла глаза и повернулась к женщине. Короткие волосы Виктории немного отросли с того времени, как Наталья и другие пришли в Эйри, но широкая улыбка доктора осталась прежней.

– Думаю, да, – сказала Наталья.

– Очень хорошо. Результаты обсудим позже.

Виктория вздохнула и потянулась, встала со своего офисного кресла и прошла через комнату. Она подошла к стеклянному шкафчику, достала оттуда бледно-голубой плед и укрыла им Наталью.

– Сейчас отдыхай. Мы за всем проследим.

Наталья кивнула, или подумала, что кивнула, и, не успев ничего сказать, провалилась в глубокий сон.

* * *

Когда Наталья проснулась, рядом никого не было, но она знала, что кто-то где-то обязательно наблюдает за ней. В комнате горел мягкий свет. Девочка села, чувствуя, как раскалывается голова. Она надеялась, что это будет продолжаться лишь день, хотя в самом начале ее головные боли длились дольше. Другие также от них страдали. Виктория заверила их всех, что каждая модель Анимуса была откалибрована и закодирована с учетом их нейрометрии, следовательно, в конечном итоге головные боли должны прекратиться.

Должны были, но не прекратились.

Наталья потерла затылок, у самой макушки, через которую Теменной Супрессор воздействовал на ее мозг волнами электромагнитных импульсов, разработанных специально для нее. Эти волны совсем не беспокоили ее во время симуляции. Проблема была в том, почему другие обычно проводили больше времени в Анимусе, чем Наталья. Шон, вероятно, смог бы там жить, если бы хотел, но он был гораздо опытнее Натальи. Один из техников как-то сказал, что есть другая, еще более агрессивная модель Анимуса, но «Абстерго» никогда не использовала ее при работе с детьми. Наталья была рада этому. КТ-сканирование, ФМРТ и Супрессор и так достаточно повлияли на ее мозг.

Дверь в комнату со свистом открылась. Вошла Виктория в своем белом халате, как всегда с планшетом в руках. Комнатное освещение как будто стало ярче с ее приходом, и Наталья прищурилась.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Виктория.

– Лучше, – сказала Наталья. – Но у меня все еще такое ощущение, как будто ударили топором по затылку.

– Правда? – нахмурилась Виктория. – Со временем боль должна утихнуть.

Должна.

– Ты готова к разговору?

Наталья оглядела комнату – белые панели, стекло, графики и компьютерные мониторы, контуры кольца Анимуса, выглядевшего так, как будто его тысячи лет омывали морские волны.

Наталья поднялась.

– Да, я готова.

– Хорошо, – Виктория протянула руку, указывая на открытую дверь. – Ну что, идем?

Они вышли из комнаты с Анимусом в широкий коридор. По правую сторону они увидели много дверей, а слева была стеклянная стена, через которую открывался вид на густой сосновый лес, окружающий центр Эйри. Лес был одной из особенностей этого места, которая Наталье действительно нравилась. Все, что ей было нужно, – это выйти на улицу и вдохнуть запах деревьев, после чего она часто чувствовала себя немного лучше.

Виктория проводила ее по коридору, а затем к конференц-залу. Как только лаборатории и комнаты Анимуса остались позади, коридоры становились шире, золотистый вечерний свет легко проникал сквозь стеклянный потолок и многочисленные стеклянные стены и окна. В некоторых местах здание имело почти призматический эффект, причем каждое из пяти зданий Эйри было построено в почти таком же стиле.

Когда они вошли в конференц-зал, мужчина с ярко-зелеными глазами и аккуратно приглаженными волосами, которого звали Исайя, встал, чтобы поприветствовать ее.

– Рад тебя видеть, Наталья. Я так понимаю, что у тебя все еще есть некие трудности с симуляцией.

– Можно и так сказать, – ответила Наталья.

– Ты держишься?

– Пока да.

– Прошу, – Исайя жестом указал на одно из мест за столом, как будто вырезанным из огромной плиты вулканического стекла. – Давайте поговорим.

Наталья села напротив Исайи, а Виктория расположилась рядом с ней.

– Монгольские ханы часто были довольно беспощадны, – сказал Исайя, присаживаясь. – Особенно во время их вторжения в южный Китай.

Наталье не очень хотелось останавливаться на методах ведения войны монгольскими войсками. Монголы следовали модели психологической войны и

террора. Сначала они предлагали пощадить город, если его правители подчинятся верховному суверенитету Великого хана и будут платить ему дань. Если правители соглашались, будучи осведомленными о монгольской непобедимости, в городе обычно не было никакого кровопролития. Но если они отказывались, начинались бои и разрушения, которые вызывали у Натальи тошноту.

– Я понимаю, почему это так тебя огорчило, – сказал Исая.

– Мы все понимаем, – добавила Виктория.

Исая положил руки на стол, его пальцы были длинными и тонкими.

– Как бы я хотел найти какой-то другой способ узнать то, что мы должны узнать.

Наталья тоже этого хотела.

– Хочешь позвонить родителям? – спросил Исая.

Наталья постоянно думала об этом, но обычно позволяла себе звонить им раз в два или три дня. И они навещали ее почти каждые выходные. Но Наталья никогда не говорила им о том, что с ней происходит. Девочка не хотела их волновать или расстраивать.

– Кажется, я в порядке.

Виктория положила руку на плечо Натальи.

– Тогда можем ли мы задать тебе несколько вопросов о симуляции?

– Конечно. Лучше покончить с этим.

– Как обстоят дела с теменным подавлением? – спросил Исая. – Доктор Бибо говорит, что все еще есть болезненные побочные эффекты.

Наталья кивнула.

– Этого следовало ожидать, – сказал Исайя. – Электромагнитные волны временно заглушают теменные доли – часть твоего мозга, которая обеспечивает контроль над восприятием времени и пространства. Это способствует более глубокому и быстрому принятию симуляции, но может неким образом тебя дезориентировать.

Он каждый раз давал такое же объяснение, почти слово в слово, как будто бы они не говорили об этом раньше.

– Головные боли стали не такими сильными, – сказала Наталья, надеясь, что он не станет сосредотачиваться на этом.

– Приятно это слышать. – Исайя немного повернул голову влево. – Ты заметила какие-либо признаки его присутствия?

– Нет.

– Ты уверена?

Наталье не нравилось, что он всегда сомневался в ее словах.

– Думаю, я бы узнала кинжал, могущества которого хватит, чтобы разрушить мир.

– Может быть, – сказал Исайя. – Но возможно и нет.

Она знала, что он нетерпелив, и, честно говоря, она тоже была такой. Частица Эдема была единственной причиной, по которой она здесь оказалась. Это было причиной, почему все они оказались здесь, в Эйри, а Оуэн и Хавьер остались там, где они были. Нужно найти реликвию. Но Наталья все еще не знала, кто должен найти ее первым.

– Мы знаем, что Баян имел отношение к реликвии в какой-то момент своей жизни, – сказала Виктория. – Это только вопрос времени.

– А вдруг он имел к ней отношение, будучи стариком? – спросила Наталья. – Наверное, мне предстоит еще длинный путь.

– Если бы у нас было ядро Анимуса Монро, со всеми его исследованиями, мы бы, возможно, достигли больших успехов в нашем деле, – глаза Исая загорелись, скулы напряглись. – Но, к сожалению, мы до сих пор не знаем, где он, так что пока тебе придется постепенно проживать жизнь Баяна.

– Одну битву за раз, – сказала Наталья.

Исая и Виктория давно не упоминали о Явлении Могущества. Они знали, что Монро нашел нечто уникальное во всех их ДНК, но не могли предположить, что именно.

– Что сейчас происходит в симуляции? – спросил Исая.

Наталья рассказала ему про сражение возле горы и очень редкое поражение монгольской Орды.

– Все болеют, – сказала она. – Холерой, или малярией, или еще чем-то.

Виктория провела пальцем по экрану своего планшета.

– Некоторые источники утверждают, что хан Мункэ умер от инфекционного заболевания во время осады.

– Еще нет, – сказала Наталья.

Исая начал барабанить пальцами по столу.

– Можешь ли ты вернуться туда сегодня вечером?

Потирая виски, Наталья сделала паузу, прежде чем ответить.

– Нет. Сегодня не могу.

Исая резко взглянул на Викторию, а она бросила на него короткий ответный взгляд, прежде чем покачать головой, как будто Натальи здесь нет, и она этого всего не видела. Но это не имело значения. Они не могли заставить ее, и она бы

ни за что не вернулась назад прямо сейчас.

Исайя постучал костяшками пальцев по столу.

– Отлично, – он поднялся. – Надеюсь, ты хорошо отдохнешь. А завтра...

– Завтра я отправлюсь на войну, – завершила фразу Наталья.

Глава 2

Оуэн не боялся. Но ему было интересно, что было бы, если бы он испытывал страх.

Он сел на койку рядом с Хавьером, прислонившись спиной к голой белой гипсокартонной стене склада, используемого Гриффином в качестве логова. Ассасин сидел к ним спиной перед монитором компьютера, общаясь со своим начальником.

– Вы уверены, что это место рассекречено? – гулким голосом спросил Гриффин. Свет единственной лампы, висящей в центре комнаты, отражался на его блестящей коричневой лысине. – Я принял меры предосторожности.

– Абсолютно уверен, – сказал человек на мониторе. Оуэн уже однажды видел этого человека: измученного, с густыми седеющими волосами и бородой. Это был Гэвин Бэнкс, лидер Братства ассасинов.

– Ротенбург говорит, что, скорее всего, ударная группа тамплиеров на пути к вам прямо сейчас.

Хавьер взглянул на Оуэна. Его глаза сузились, мышцы напряглись. Он выглядел более обеспокоенным, чем Оуэн.

– И вы доверяете этому информатору? – спросил Гриффин.

– Да, – сказал Гэвин. – Вам нужно все сжечь и убираться оттуда немедленно.

Гриффин кивнул.

– Я уже подыскал новое место...

– Нет, – сказал Гэвин. – Следуйте к месту встречи «Альфа двенадцать». Там вас встретит Ребекка Крейн с дальнейшими инструкциями.

– Ребекка? – Гриффин сделал паузу. – Тогда все в порядке.

– Удачи.

Гэвин вышел, экран потемнел.

Оуэн вздохнул, а затем Гриффин встал.

– Собирайте вещи и все необходимое в рюкзаки. Поторопитесь.

Оуэн и Хавьер переглянулись и ринулись к ящикам, стоявшим на металлических полках склада. Им уже однажды приходилось делать это, когда Гриффин приводил их к горе Мак-Грегор в поисках первой Частицы Эдема. Надев кожаные куртки с капюшонами, они принялись собирать различные виды оружия – метательные ножи, дротики и маленькие гранаты, начиненные чем угодно: от ядовитого газа до электромагнитных импульсов, силы которых могло хватить, чтобы остановить вертолет в небе.

Оуэн смотрел, как Гриффин собирает свое снаряжение, включая Перчатку Ассасина, к которой он никогда не позволял даже прикасаться. Когда они закончили собираться, Гриффин подошел к компьютеру и открыл командную строку.

– Будьте готовы и помните, чему я вас учил, – сказал он.

Оуэн не думал, что он когда-либо забудет изнурительные упражнения, которые Гриффин заставлял их выполнять в течение последних нескольких недель, совершенствуя их в боевой подготовке и фриране[10 - Дисциплина, сходная с

паркур, созданная Себастьяном Фуканом.].

Ассасин кивнул головой в сторону монитора.

– У нас будет три минуты.

– До чего? – спросил Хавьер.

Гриффин не ответил. Он напечатал команду, нажал клавишу ввода и направился к воротам склада. С лязганьем и дребезжанием ворота поднимались по мере того, как он крутил ручку.

Солнце постепенно садилось, но было еще не совсем темно. Как раз то время дня, когда господствуют серые тени, но детали все еще различимы. Гриффин подвел их к дверям соседнего склада, где стояла его машина, но не успел он открыть замок, как они увидели свет фар, быстро приближавшийся из-за угла дальнего ряда.

– Это?.. – спросил Оуэн.

– Машина останется здесь, – сказал Гриффин и побежал в противоположном направлении. – За мной!

Оуэн и Хавьер бросились за ним. Пробежав несколько сотен метров, Гриффин остановился, подпрыгнул, и, уцепившись за край, вскарабкался на крышу склада. Оуэн последовал за ним, все еще немного удивленный естественными способностями, которые он получил за то время, которое провел в воспоминаниях своего предка-ассасина. Дождавшись Хавьера, все трое беззвучно двинулись прямо по крыше.

– Что случится через три минуты? – спросил Хавьер.

– Уже через двадцать три секунды, – ответил Гриффин.

Оуэн оглянулся. Он увидел свет фар транспортного средства, приближающегося к их складу, и много других огней, стекающих к этому месту со всех направлений, в том числе и с неба.

– Это вертолет, – сказал он.

– Я слышу, – сказал Гриффин. – Сидите тихо...

Позади них грянул разрушительный взрыв, обдав волной жара спину Оуэна и на мгновение оглушив его. Внезапная вспышка света осветила крышу, по которой они бежали, а также крыши соседних рядов, где Оуэн заметил десяток фигур, медленнодвигающихся к ним. На преследователях была черная военная форма и шлемы, которые давали им возможность находить и отслеживать сложные цели.

– Тамплиеры, – прошептал Оуэн, и все трое припали грудью к крыше.

– Похоже, Ротенбург был прав, – сказал Гриффин. – И они пришли подготовленными.

– Вы взорвали собственное убежище? – спросил Хавьер.

В небо поднимался столб густого дыма. Оуэн почувствовал запах горелого пластика.

– Стандартная процедура, – сказал Гриффин. – Не останется ничего, что могло бы им помочь в стремлении выследить Братство.

– Тогда они будут следить за нами, – сказал Оуэн.

– Нет. Следуйте за мной.

Гриффин перепрыгнул на другую крышу и побежал.

Оуэн и Хавьер сделали то же самое, и, достигнув края крыши, троица спрыгнула на землю. Теперь они находились в темном пустом проходе напротив того места, откуда беглецы взобрались на крышу.

Гриффин закатал рукав и что-то сделал со своей Перчаткой.

– Достаньте оружие.

Оуэн перевел дыхание, открыл свой рюкзак и вытащил несколько метательных ножей и гранаты. Хавьер достал свой арбалет-пистолет. Ассасин поднял руку вверх, и из Перчатки вырвался электрический скрытый клинок длиной 15–18 сантиметров. Через секунду Гриффин спрятал его, но Оуэн все еще ощущал сильный запах меди, исходивший от него.

– Мы должны убедиться, что за нами не следят, а затем двигаться к месту встречи, – Гриффин посмотрел по сторонам. – Будьте начеку. Это не тренировка.

Они немного отдалились от места взрыва. Оуэн совершенствовал свое восприятие, как делал его предок, прислушиваясь ко всем окружающим звукам.

Они продвигались к концу прохода, проходя склад за складом. Вскоре все трое подошли к концу ряда и на расстоянии трех метров от себя увидели сетчатый забор.

Но до этого Оуэн что-то почувствовал.

Всеми своими рецепторами – слуховыми, обонятельными и осязательными – он ощущал явное присутствие агентов, готовящих им западню по обе стороны прохода. Гриффин и Хавьер не обладали таким уровнем восприятия, как Оуэн, но даже они, казалось, знали о присутствии агентов. Троица молча остановилась. Оуэн держал наготове пару электромагнитных гранат, Хавьер зарядил свой арбалет-пистолет, а Гриффин занял боевую позицию и затем кивнул.

Оуэн ринулся вперед, бросая гранаты в сторону противника, и хотя взрывы прозвучали бесшумно, эффект был оглушительным. Вопя и натываясь друг на друга, агенты тамплиеров пытались сбросить свои шлемы. Их оружие валялось на земле, а электронные устройства обуглились.

Их было восемь человек, по четыре с каждой стороны. Хавьер бросился за угол, метая дротики, заряженные нейротоксином, и один из них достиг цели. Гриффин нанес удар ближайшему агенту, поразив его электрическим зарядом своего скрытого клинка, большим, чем у любого электрошокера, и сразу бросился еще на двоих.

Через несколько секунд половина тамплиеров лежала на земле. Но четверо все еще продолжали бой. Оуэн вытащил дымовую гранату, чтобы обеспечить Хавьеру и Гриффину прикрытие, но не смог совладать с механизмом. Его руки дрожали, и он смотрел на свои дрожащие пальцы, которыми не мог выдернуть чеку, с отдаленным осознанием того, что боится. Его тело охватил страх, в то время как ум оставался ясным.

– Оуэн! – закричал Хавьер.

Оуэн повернулся, и в то же время тяжелый удар чуть не сбил его с ног. Пошатнувшись, он по инерции сделал пару шагов вперед, прежде чем обернуться и увидеть лицо нападавшего. Это была женщина без шлема, в руках она держала кусок арматуры длиной с бейсбольную битку.

Это не тренировка.

Оуэн выпрямился, ему удалось уйти от ее удара, нанося ответный боковой в челюсть, но агент была быстрее и опытней. Ее острый локоть вонзился в лицо Оуэна, на миг ослепив его. Он ожидал завершающего удара арматурой, но подоспел Гриффин, и женщина рухнула наземь с дымящимся ожогом на шее, куда поразил ее клинок ассасина.

За спиной раздался глухой звук. Обернувшись, Оуэн увидел, что это Хавьер только что сразил другого агента выстрелом из своего арбалета. Оуэну, наконец, удалось активировать дымовую гранату, и в облаке, которое вырвалось из нее, Гриффин обезвредил последних двух тамплиеров.

– Скорее, – промолвил он, покашливая. – Скоро остальные заметят, что эти агенты исчезли.

Они перелезли через забор и бежали по пустырю, заваленному пустыми консервными банками и заросшему сорняками, стараясь не попадать под свет вертолета над головой, пока не достигли оживленной улицы. Спрятав оружие в рюкзаки, компания попыталась раствориться в толпе. Оуэн изображал сгорбленного, уставшего после долгого рабочего дня человека, взгляд его был понурым. Гриффин однажды упоминал о способности ассасина прятаться на виду, но ни Оуэн, ни Хавьер до конца не понимали, что это значило. Они даже не

были настоящими ассасинами, несмотря на только что сделанное. Оуэн оставался с Гриффином только для того, чтобы помочь своим друзьям и узнать, что на самом деле случилось с его отцом.

Гриффин оглянулся.

– Мы возьмем такси.

– Такси? – переспросил Хавьер. – Ассасины берут такси?

– Именно, – сказал Гриффин. – Если хочешь спрятаться, прячься на виду.

Он свистнул, и через мгновение к тротуару подъехал белый седан с клетчатыми полосками по бокам. Троица разместилась на заднем сиденье, Гриффин объяснил водителю маршрут. Когда они тронулись, Оуэн обернулся и посмотрел на пустырь и дымящийся склад сквозь заднее стекло.

Руки его все еще тряслись, и он крепко сжал их в кулаки.

Что же с ним там произошло? Он леденел от мысли, что если бы у женщины вместо той арматуры был пистолет или нож, он, наверное, был бы уже мертв. Тренировки Гриффина, казалось, должны были помочь, но на деле вся эта ситуация становилась все тяжелее.

В течение первых нескольких дней и недель после симуляции бунтов в Нью-Йорке из-за призыва Оуэн был уверен в своих способностях и даже ощущал себя могущественным. Но теперь он задавался вопросом, не была ли эта уверенность в себе ложной. Возможно, это только отголоски воспоминаний его предка в голове Оуэна. Вариус был искусным ассасином, и, прожив в этих воспоминаниях, Оуэн тоже почувствовал, что у него есть способности. Но теперь, когда воспоминания Вариуса ему не помогали, Оуэн понял, что, наверное, у него нет могущества его предка. Он все еще был подростком, а те тамплиеры были отправлены, чтобы либо захватить его, либо убить.

Большую часть пути они молчали. Наконец Гриффин велел таксисту высадить их на углу, где они немного подождали, прежде чем поймать другую машину и направиться в пригород. Оуэн понял, что это все для того, чтобы убедиться в

отсутствии преследования. И, похоже, сработало: огни вертолета тамплиеров постепенно исчезли из поля зрения.

Такси остановилось возле незнакомого дома на тихой улице. После того как машина отъехала, они двинулись пешком, следуя за Гриффином.

Хавьер повернулся к Оуэну:

– Ты в порядке?

– Да, – ответил Оуэн.

– Это было опасно, – сказал Хавьер.

– Ты хорошо поработал, – сказал Оуэн, немного завидуя самообладанию друга и мастерству, продемонстрированному Хавьером.

– Вы оба неплохо поработали, – похвалил Гриффин. – Но эти агенты были не лучшими. Обсудим подробнее, когда доберемся до места встречи.

Примерно через пару километров они дошли до конца микрорайона. Асфальт превратился в грязь и гравий, а городской пейзаж сменился деревенским. Еще через несколько километров пути по полям и пастбищам, окруженным дремучим лесом и холмами, очередной раз повернув, среди деревьев они увидели большой дом.

– Ого! – воскликнул Хавьер.

Дом, казалось, был заброшен уже сотню лет. Он был двух- или трехэтажным, обитым сайдингом и деревянными досочками, и выглядел серым, растрескавшимся и обветренным. Крыльцо перед фасадом дома просело, на углу крыши возвышалась угловатая башенка с круглым, потемневшим от времени окошком, выглядевшим как глаз циклопа, и кованой железной коронкой на верхушке. Большинство окон и входная дверь были заколочены досками.

– Вот он, – сказал Гриффин.

Оуэн снова взглянул на дом.

– Это он?

– Что-то в духе семейки Аддамс, не так ли? – сказал Хавьер.

Оуэн согласился, но Гриффин не обратил на него внимания.

– Пошли.

Они направились прямо к входной двери по каменной дорожке, заросшей с обеих сторон сорной травой по колено. Это место вызывало у Оуэна мурашки по всему телу. Он не видел, чтобы внутри горел свет; не было никаких признаков Ребекки Крейн.

– Это место встречи? – спросил он.

– Да, – ответил Гриффин.

Они взошли на крыльцо, и растрескавшиеся деревянные ступени, забитые ржавыми гвоздями, закрипели под их весом.

Оуэн вздрогнул.

– Но где...

И вдруг входная дверь открылась.

Хавьер взвизгнул, а Оуэн отскочил назад и чуть не свалился с крыльца.

– Гриффин, – произнесла женщина, стоявшая в темном проходе. – Я ждала вас.

– Ребекка, – сказал Гриффин. – Приятно, что ты снова в деле.

Видимо, дверь только казалась заколоченной. Женщина жестом пригласила их войти.

– Быстрее, внутрь.

Гриффин вошел первым, а Оуэн последовал за ним, оглядываясь на Хавьера. Попав в коридор, они убедились, что интерьер дома соответствует его внешнему виду. Выцветшие обои кусками свисали со стен, дверные проемы изгибались под причудливыми углами, а в воздухе стоял запах пыли и плесени. Лестница на второй этаж выглядела так, что Оуэн вряд ли стал бы по ней подниматься, а далее по коридору виднелась лишь крошечная тьма. С обеих сторон коридора они видели пустые комнаты; люстры, висевшие под потолком, были затянуты паутиной.

Ребекка закрыла входную дверь на электронный замок, который определенно не подходил к интерьеру дома, и Оуэн понял, что место было, вероятно, намного более безопасным, чем казалось на первый взгляд.

– Вы прибыли позже, чем я ожидала, – сказала она. – У вас возникли проблемы?

– Тамплиеры напали на нас, когда мы уходили, – ответил Гриффин. – Нам пришлось проделать долгий путь.

– Жаль, – сказала она. – Но, во всяком случае, теперь вы здесь.

– Что это за место? – спросил Оуэн.

Ребекка огляделась и посмотрела в потолок.

– Это место является тем, чем выглядит. В основном.

– Значит, это дом с привидениями? – спросил Хавьер.

Ребекка улыбнулась, ее улыбка была едва заметна в темноте.

– Здесь лишь те призраки, что скрыты у тебя в ДНК, Хавьер.

– Вы знаете мое имя?

– Конечно, мы знаем.

Оуэну не понравилось, как она это произнесла.

– Итак, каков план? – спросил Гриффин. – Гэвин сказал, что у тебя есть инструкции.

Ребекка кивнула.

– Сюда.

Она пошла по темному коридору. Все трое последовали за ней. Через некоторое время Ребекка остановилась и открыла дверь справа от них.

– Ступайте осторожно, – сказала она, очевидно, приглашая их спуститься. – Лестница ведет в подвал.

Гриффин пошел без каких-либо колебаний, Хавьер двинулся за ним. Оуэн нашарил руками перила, а затем медленно начал спускаться, отчаянно пытаясь разглядеть в темноте хоть что-то, чтобы ориентироваться. Осторожно, нащупывая ногой ступеньку за ступенькой, он двигался вниз. Гулкие шаги Гриффина эхом раздавались внизу, а наверху Ребекка закрыла дверь, ведущую на лестницу.

– Сейчас включится свет, – сказала она. – Закройте глаза.

Оуэн послушался, но даже сквозь веки увидел, как яркий свет наполняет помещение. Открыв глаза, он обнаружил, что состояние этой части дома существенно отличалось от того, что было наверху. Он увидел гладкие стены с серой панельной обшивкой, и в целом помещение почти идеально соответствовало представлению Оуэна о том, как должно выглядеть укрытие ассасина. Во всяком случае, это не склад.

В помещении было несколько компьютеров, большой стеклянный стол для совещаний и целая стена с оружием, одеждой и доспехами. В дальнем углу комнаты Оуэн заметил кресло с откидной спинкой, почти такое же, как то, которое использовал Монро с его Анимусом.

– Твоя работа? – спросил Гриффин, кивнув в его сторону. – Кресло?

– Нет, – ответила Ребекка. – Не совсем. Шон, новый техник из «Абстерго», достал процессор и чертежи в Мадриде, а я использовала их для создания этой машины.

– Шон? – спросил Хавьер.

– У нас есть друг, которого зовут так же, – сказал Оуэн.

– Да? – склонила голову Ребекка. У нее были короткие каштановые волосы и оливковая кожа; она напоминала Оуэну Наталью.

– Ваш друг тоже циничный эгоист, который думает, что он умнее всех?

– Гм, нет, – пробормотал Оуэн.

Ребекка пожала плечами.

– Тогда, должно быть, это другой парень.

Она повернулась к Гриффину:

– Ты еще помнишь, как управлять Анимусом?

– Конечно, – сказал Гриффин. – Но зачем? Ты не останешься?

– Нет. Я нужна в другом месте.

– Что может быть важнее этого? – спросил Гриффин. – Я о Трезубце Эдема. Одна из частей уже найдена. Вторая...

– Я знаю, – сказала Ребекка. – Но поверь, в мире сейчас творится чертовщина, а Братство слишком малочисленное. У меня есть приказ. Сейчас вы должны действовать самостоятельно. Это безопасное место, я обустроила его для вас. Все готово к использованию. Как думаешь, вы справитесь?

Прищурившись, Гриффин замолчал. Оуэн почувствовал напряжение, возникшее между двумя ассасинами. Гриффин выглядел неуравновешенным и рассерженным. По-видимому, в Братстве было не все так гладко. Но мгновение спустя Гриффин кивнул и заметно расслабился.

– Хорошо, – сказал он. – Я знаю, что это не твой выбор.

– Это так, – ответила она. – И не Гэвина, и даже не Уильяма. Этот выбор заставили сделать тамплиеры, когда пятнадцать лет назад почти уничтожили нас.

– Для меня есть указания?

– Ротенбург говорит, что сейчас тамплиеры в поиске второго кинжала, который в последний раз видели в средневековом Китае. Нам нужно добраться до него первыми, – Ребекка повернулась и указала на Оуэна. – С помощью призраков из его ДНК.

Глава 3

Шон не мог дожждаться, когда вернется в Анимус. Виктория решила ввести временные ограничения его занятий, и вчера вообще не позволила ему войти в симуляцию. Это было очень неприятно, но Шон выдержал целый день, и после завтрака он должен был вернуться в кольцо.

– Доброе утро, – борясь с зевотой, сказал Дэвид, входя в зал, который служил им местом отдыха. – Маффины еще не принесли?

Шон кивнул в сторону буфета.

– Сегодня бананово-ореховые.

Дэвид остановился в полушаге от холодильника.

– Неважно.

– Ты не любишь бананы? – спросил Шон.

– Мне не нравятся орехи, – ответил Дэвид, поправляя свои очки с толстыми стеклами в белой оправе, и направился к плитам.

Вошла его старшая сестра, Грейс. Ее темные, кудрявые волосы были собраны на затылке. Ей было пятнадцать, почти как Шону, и за последние несколько недель он узнал о ней больше, чем о ее тринадцатилетнем брате. Грейс и Дэвид почти никогда не оставались в Эйри надолго. По сути, их папа забирал их обоих домой на несколько дней, но потом они возвращались. Шон еще не спрашивал, в чем дело, но собирался как-нибудь это сделать.

Для него никогда не стоял вопрос, оставаться или нет. Компенсация за аварию, которая случилась несколько лет назад, едва покрыла больничные счета Шона, и его родители нуждались в деньгах «Абстерго». Уход за паралитиком стоил им более семидесяти тысяч долларов в год. Но даже несмотря на это Шон хотел бы остаться, просто для себя.

– Доброе утро, Грейс, – сказал он.

– Доброе утро, – она направилась за кофе. – Виктория собирается впустить тебя сегодня?

Шон поковырял омлет.

– Она сказала, что да.

– Где ты остановился? Томми вернулся из Лондона?

– Да. Я закончил с этим расследованием и вернулся в другой бунт.

– Томми Грэйлинг, похоже, любит бунты, – сказала она, садясь рядом с ним.

– Я бы так не сказал.

Грейс сделала глоток кофе и посмотрела на Шона поверх кружки.

– Значит, тебе нравятся бунты?

Шон улыбнулся.

– Мне правда нравится действие. Но в Нью-Йорке в девятнадцатом веке почти всегда происходили бунты.

– Ты сегодня видел Наталью? – спросил севший рядом Дэвид, держа в руках тарелку, на которой было больше бекона, чем яиц.

– Еще нет, – сказал Шон; он был бы не против повидать Наталью.

Он по-прежнему ощущал себя неловко и нервничал всякий раз, когда она входила в комнату. Он не должен был ничего говорить. Он должен был просто оставить все, что было между Томми и Аделиной, в симуляции. Но все было так запутано – кто есть кто, и что все это значит. Он даже не понимал, нравится ли ему Наталья, или это были ощущения Томми, влюбленного в ее предка.

– Почему же Виктория тебя ограничивает? – спросила Грейс.

– Она говорит, что я могу стать слишком зависимым от этого, – Шон отставил почти пустую тарелку.

– Как наркоман? – спросил Дэвид.

– Что-то в этом роде, – ответил Шон.

Но он не думал, что это возможно. Он и правда проводил почти целый день в симуляции, но это не делало его наркоманом. Как можно быть зависимым от воздуха?

– Ты ведь знаешь, что с тобой все в порядке, верно? – спросила Грейс. – И я не имею в виду симуляции.

Шон посмотрел в ее глубокие карие глаза. Ее голос прозвучал совершенно искренне, мало кто говорил так о таких вещах. Они знали о дискриминации инвалидов, и старались поддержать его, хотя легче от этого не становилось. Ему казалось, что Грейс это понимала.

Шон постучал по подлокотнику коляски.

– Мне кажется, что с этим что-то не в порядке.

– Я не это имела в виду, – сказала она. – Ты...

– Доброе утро, – сказала Наталья, входя в комнату.

– Доброе утро, – ответил Дэвид. – Не видел тебя прошлой ночью.

– Я плохо себя чувствовала.

Наталья схватила бублик и йогурт.

Фраза, которую Грейс собиралась сказать, как будто на мгновение повисла в воздухе, а затем развеялась, как пар от ее кофе. Шон был рад, что она не прозвучала.

– Все еще страдаешь от головных болей? – спросила Грейс у Натальи.

Она кивнула.

– А вы, ребята?

– Моя боль проходит через несколько часов, – сказала Грейс.

– Моя тоже, – сказал Шон. Сначала голова болела ужасно, но теперь было легче. В любом случае, это того стоило.

Наталья села за стол напротив Шона, и он почувствовал небольшое напряжение в районе живота. Если и была одна вещь, которую он хотел изменить для себя в

Эйри, то это было его притяжение к ней.

– Ты нашла Частицу Эдема? – спросил Дэвид, жуя полоску бекона.

Сидевшие за столом притихли. Все знали, зачем они здесь. Все они знали, что случилось в симуляции нью-йоркских бунтов Монро, еще до того, как корпорация «Абстерго» нашла их, и они узнали свою историю. Все они знали, что будет поставлено на карту, если три части Трезубца Эдема найдут и объединят. Но подростки не часто говорили об этом. Это было немного похоже на разговор об инопланетянах или волшебниках.

– Еще нет, – спокойно сказала Наталья.

– Как продвигается симуляция в Китае? – спросила Грейс.

Наталья уставилась на бублик на тарелке.

– Тяжело. Там много смерти.

– Это было бы тяжело для любого, – сказал Шон, пытаясь подбодрить ее, но это прозвучало как-то пренебрежительно.

Наталья просто кивнула, не поднимая глаз.

Ему захотелось уйти немедленно, прежде чем ситуация стала еще более неудобной.

– Томми ждет, – сказал он. – Думаю, мне пора.

– Увидимся вечером, – сказала Грейс.

Дэвид кивнул ему. Шон выкатил инвалидное кресло из-за стола и направился к двери. Каждый раз, когда он уходил от группы таким образом, катясь в своем кресле, он чувствовал, что все они старались не смотреть, как он едет. Шону говорили, что ему это только кажется, но они всегда замолкали, когда он отъезжал от них. Как будто боялись говорить, пока он не ушел, как будто нужно подождать, с уважением или еще какими-то чувствами наблюдая за его

передвижениями. Он ненавидел это и был рад поскорее добраться до двери. В этот момент Дэвид начал рассказывать о симуляции воспоминаний своего прадедушки, который был пилотом группы Таскиги[11 - Группа афроамериканских пилотов, участвовавших во Второй мировой войне.] во время Второй мировой войны.

Шон выехал из зала и направился к комнатам Анимуса. Центр Эйри состоял из пяти отдельных зданий, соединенных между собой закрытыми стеклянными коридорами. Вокруг зданий росло множество деревьев. Он и остальные большую часть времени проводили в двух зданиях: главной приемной (куда они отправлялись, когда родители приходили их навестить или забрать на несколько часов), и в здании, в котором он находился сейчас, где они ели и спали. Также в нем исследовали их генетические воспоминания. Шон не знал, чем занимались служащие «Абстерго» в других зданиях центра.

Когда он добрался до своей комнаты Анимуса, Виктория уже была там. Он постарался заехать как можно непринужденнее.

– Доброе утро, – сказал он.

Она встала из-за компьютера и улыбнулась.

– Я каждый раз рассчитываю, что ты доберешься сюда раньше меня, Шон.

Он не знал, было ли это комплиментом, или насмешкой, или тем и другим одновременно.

– Могу ли я войти в симуляцию сегодня? – спросил он.

– Конечно, – сказала она. – Но я думаю, что вчерашний перерыв пошел тебе на пользу, не так ли? Я могла бы включить еще несколько выходных в твой график.

Шон хотел возразить, но решил сделать это позже. Сейчас он просто хотел начать симуляцию, и боялся, что доктор передумает, если он начнет перечить или проявлять нетерпение.

Он подъехал к кольцу Анимуса. Кажется, Виктория наконец-то научилась не предлагать ему помощь. Ноги ногами, но его руки были достаточно сильны, чтобы добраться туда, куда ему было нужно. Он нагнулся, включил тормоза на колесах своей коляски, забрался в кольцо Анимуса и надел пояс. Его ноги повисли над экзоплатформами. Виктория вернула ноги на место и привязала их к рукам, а затем присоединила к нему все устройства, которые контролировали его мозг и сердце.

Сегодня она двигалась медленно, но он ничего не сказал, сохраняя внешнее спокойствие и терпение, по мере того, как она привязывала ремни.

– Все, – наконец сказала она. – Я думаю, мы готовы.

– Хорошо, – сказал он. – Нью-Йорк, я...

– Знаешь... – Виктория отошла к одному из мониторов. – Мы не будем снова отправлять тебя в воспоминания Томми Грэйлинга.

– Что? – Шон повернулся в кольцо, чтобы видеть ее. – Почему нет?

– Теперь это нездоровая среда для тебя...

– Что вы имеете в виду? Что значит нездоровая?

Шон услышал свой голос, полный гнева и нетерпения, но сдерживаться уже было поздно.

Виктория сложила руки на груди.

– Я знаю, мы не согласны с твоим пониманием работы в Анимусе, Шон, но...

– Потому что вы не понимаете, – сказал Шон. – Вы хотите меня остановить.

– Пожалуйста, позволь мне закончить...

– Я не хочу, чтобы вы заканчивали, – сказал Шон. – Я хочу войти в воспоминания Томми Грэйлинга.

Дверь в комнату распахнулась. В комнату вошел Исайя в черном костюме – из ткани, которая, казалось, поглощала свет.

– Думаю, тебе стоит послушать доктора Бибо, Шон. И прояви к ней должное уважение.

Шон не видел директора Эйри больше недели, и внезапное появление Исайи заставило подростка прекратить свои гневные высказывания.

Исайя кивнул Виктории.

– Пожалуйста, продолжайте, доктор Бибо. Полагаю, что теперь Шон будет слушать.

Она взглянула на Шона. Он сердито смотрел на нее, но ничего не говорил.

– Я собиралась сказать, что мы предполагаем, что симуляция Грэйлинга перестала приносить пользу. Анимус предназначен не для развлечения. Мы хотели бы, чтобы ты пережил воспоминания разных предков.

– Зачем? – спросил Шон.

Она посмотрела на экран своего планшета.

– Слишком рано говорить более подробно, но, мы уверены, что...

– Зачем? – снова спросил Шон.

Виктория повернулась к Исайе.

Директор рассудительно посмотрел на них.

– Мы можем сказать ему. Я думаю, что он достаточно взрослый, чтобы справиться с этим.

– Справиться с чем? – спросил Шон.

Виктория снова подняла планшет, прижимая его к груди словно щит.

– Были замечены некоторые интересные изменения в твоей неврологии. Особенно в двигательной коре.

– Моей двигательной коре? – Шон не хотел их перебивать, но ему было интересно, к чему они ведут. – Какие изменения?

– Давай объясню, – сказал Исая. – Мы не говорим, что сможем вернуть тебе возможность ходить на своих ногах.

Шон почувствовал себя чужим здесь.

– Тогда о чем вы?

Виктория откашлялась.

– Симуляция Анимуса активирует твою двигательную кору. Активность такая же, какой была до аварии, после которой ты стал парализованным. По сути, эта часть мозга не получала импульсов от твоих ног. До сих пор.

Шон посмотрел на экзоскелет, поддерживающий его ноги.

– И что это значит?

– Мы больше заинтересованы в том, как это может тебе помочь, – сказал Исая. – Тамплиеры в «Абстерго» интересуются несколькими сферами, включая медицину. Мы надеемся, что сможем использовать данные, полученные от тебя, чтобы лучше понять мозг парализованного пациента.

– Как вы их используете? – спросил Шон.

– В результате, – Виктория бросила косой взгляд на Исая, – в недалеком будущем мы сможем разработать уникальные нейрочувствительные протезы.

– Что это значит? – спросил Шон.

– Прямо сейчас, – сказал Исая, – возможности чувствительных протезов довольно ограничены. Нужны месяцы, чтобы они прижились, они громоздки и недоступны для людей с травмами спинного мозга. Мы надеемся разработать что-то новое. Нечто революционное. Протез, запрограммированный на уникальную неврологию пациента, который сразу можно было бы использовать. Протез, который сразу станет частью тела этого пациента.

Шону показалось, будто его сердце и все остальное в нем остановилось, несмотря на то, что компьютер тихо сигнализировал о том, что его жизненные показатели в норме.

– Я снова смогу ходить?

– Не своими ногами, – сказал Исая. – С помощью протезов. Но хочу предупредить тебя, что нам потребуется еще много лет на эти исследования.

Он показал пальцем на пол.

– Сейчас мы находимся в самом начале пути. Пока что ты – наш начальный этап.

– И чего вы от меня хотите? – спросил Шон.

Виктория подошла к нему.

– Мы хотим понаблюдать за тобой во время разных генетических воспоминаний. Нужно использовать как можно больше предков. Мы хотим изучить общую приспособляемость твоей двигательной коры. Из симуляций Томми Грэйлинга мы узнали все, что было возможно.

– Правда? – тихо спросил Шон.

Он никогда ни к кому так не привязывался, как к этому гигантскому полицейскому. Шон выучил состав патруля Томми, и подружился со своими коллегами из Бродвейского подразделения. Вместе с Томми он пережил много стычек, травм и горя. Он ушел из полиции и отправился в Лондон вместе с Томми в качестве детектива агентства «Пинкертон»[12 - Детективное агентство, созданное Аланом Пинкертоном в 1850 году.]. Он познал себя с его помощью.

– Смогу ли я входить в симуляцию Томми? Хотя бы иногда?

– Возможно, – ответил Исая. – Если это не будет мешать исследованию.

– Мы, конечно, обязательно сообщим родителям обо всем этом, – добавила Виктория.

Шон не должен был об этом думать. Он поможет Исаяе и «Абстерго», чем сможет. Просто было трудно проститься с жизнью, которая как будто стала его собственной. Но он, наконец, кивнул – скорее себе, чем Виктории и Исаяе.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда кто следующий?

Виктория провела пальцем по экрану.

– Мы собираемся вернуться немного назад в историю твоих предков. Ирландия, конец восемнадцатого века.

– Хорошо, – сказал Шон. – Ладно, давайте сделаем это.

– Отлично, – улыбнулся Исая. – Шон, тебе суждено творить великие дела. Мы втроем войдем в историю.

Шон немного смутился, услышав его слова – для него это много значило. После аварии, казалось, никто не ожидал от Шона чего-то полезного. Любое достижение, каким бы незначительным оно ни было для тех, кто мог ходить, делало его героем. Было приятно ощущать себя важным человеком, единственным, кто был способен сделать что-то.

– Спасибо, – выдавил он.

– Спасибо тебе, – сказал Исая, подходя к двери комнаты Анимуса. – А теперь оставляю тебя в умелых руках доктора Бибо.

Шон поправил ремень и терпеливо ждал, пока доктор Бибо перепроверяла правильность всех соединений оборудования. Затем она вернулась к мониторам и начала работу. Шон смотрел в потолок, прислушиваясь к ее словам и стуку клавиатуры. Он волновался перед новой симуляцией.

– Хорошо, – сказала Виктория через несколько минут. – Я готова включить Теменной Супрессор. Ты готов?

– Да, – ответил Шон.

Виктория подошла и надела на его голову шлем. Звуки и изображение как будто исчезли, отрезав его от остального мира. По сравнению с Анимусом Монро, первое использование этой модели вызывало специфическое ощущение – сравнимое с тем, которое испытывает водитель, когда пересеживается с допотопной машины за руль «Феррари».

– Ты слышишь меня, Шон? – спросила Виктория.

– Да.

– Можно начинать. Ты готов?

Шон глубоко вздохнул. Это был единственный момент в симуляции Анимуса, который он не любил. Он закрыл глаза.

– Я готов.

– Попробайся расслабиться. Идет загрузка Коридора Памяти...

Однажды на каникулах, когда Шону было пять лет, он упал в реку. Неистовое течение понесло его вниз, прежде чем кто-нибудь смог ему помочь. Его воспоминания об этом случае были нечеткие. Основное ему потом рассказали родители, но кое-что он и сам помнил. Он помнил немного, но это до сих пор

осталось с ним. Чувство абсолютного бессилия против стихии. Он был не в силах бороться с той живой стеной воды, которая швыряла его как щепку и в итоге чуть не прикончила.

Такое же чувство возникало от воздействия Теменного Супрессора.

Тогда Шона вытащил из реки его дядя, который рыбачил недалеко от места, где мальчик упал в воду. Но сейчас дяди тут не было, и это была не река. Поток был в голове Шона.

Контурь Коридора Памяти вспыхнули вокруг Шона, на мгновение ослепив его, но быстро сменившись бесформенным и бесцветным туманным сиянием.

– Введение теменных контактов через три, две, одну...

Его накрыло волной.

Глава 4

Грейс чувствовала то же, что и Шон. Или, по крайней мере, она предполагала, что у него те же ощущения. Грейс точно не знала, потому что они не говорили об этом подробно, но думала, что он находится здесь, в Эйри, по тем же причинам, что и она. Хотя другие, вероятно, не замечали связи между ними.

Она смотрела на Шона, когда он выходил из зала. В это время Дэвид начал говорить о своей симуляции воспоминаний их прадеда, который был пилотом в 302-й авиационной дивизии во время ее изоляции, управляя истребителем «P-51 Мустанг»[13 - Американский одноместный истребитель дальнего радиуса действия периода Второй мировой войны.].

– У них есть три цветных огня под концевой частью правого крыла, предназначенных для передачи кодовых сигналов на землю. Красный, зеленый и желтый.

Он усмехнулся, а затем сказал: «Самый главный авиационный симулятор». Возможно, уже в пятидесятый раз.

– Красный, зеленый и желтый? – спросила Грейс. – Это не какая-то компьютерная игра. Мы здесь не для того, чтобы веселиться.

– Но это весело, – сказал Дэвид. – Почему тебе всегда нужно все испортить, Грейс?

Грейс слушала его вполуха, думая о Шоне, и смотрела на Наталью. Та смотрела на дверь, вероятно, тоже думая о нем. Грейс точно не знала, что происходило между ними, но Шон всякий раз нервничал и умолкал, когда Наталья была рядом. Было очевидно, что она ему нравилась, но Грейс не могла понять, как Наталья относилась к нему. Эта девушка все хранила в себе. Можно было сравнить ее с черепахой, которая очень редко показывается из своего панциря. По внешнему виду Натальи нельзя было понять, что она чувствует.

Они сидели за столом. Грейс сделала глоток кофе, позволяя Дэвиду болтать, пока его омлет остывал.

– А что насчет расизма? – наконец спросила у него Наталья.

Дэвид притих.

– Это меня выводит. Нас донимают несколько эскадрилий истребителей с белыми пилотами, хотя мы лучше, чем они. Некоторые из эскадрилий бомбардировщиков с белыми пилотами отказывают нам в сопровождении. Не важно, как хорошо мы летаем. Люди полагают, что мы не можем быть хорошими пилотами, потому что мы чернокожие.

– Прости, – сказала Наталья.

Дэвид только кивнул.

Грейс не обратила внимания на то, что Дэвид говорил «мы» в настоящем времени. Они все так говорили. Честно говоря, было легко запутаться из-за всех этих симуляций. Она предполагала, что еженедельные сеансы терапии у

Виктории предназначались отчасти для того, чтобы этого не допустить.

Наталья повернулась к Грейс:

– Как насчет твоей новой симуляции?

Дэвид ухмыльнулся.

– Грейс теперь золотодобытчик.

Наталья подняла брови.

– Правда?

– На самом деле, торговец золотом, – сказала Грейс. – Он из Западной Африки четырнадцатого века. Его люди были важными персонами в средневековых королевствах Ганы и Мали. Во всяком случае, мой папа так говорит.

– Ого! – воскликнула Наталья. – Мы можем менять предков?

– Конечно, – сказала Грейс. Предполагалось, что, по крайней мере, предок Натальи имел отношение к Частице Эдема. – Я предпочла бы сделать то, ради чего мы туда отправляемся.

Наталья сделала паузу.

– А я не хочу убивать людей.

Грейс не преднамеренно травмировала ее чувства. Правда, мысль об убийстве людей в симуляции не настолько беспокоила Грейс, насколько, возможно, должна была. Все же одна из ее предков-женщин, Элиза, была ассасином. Виктория больше не позволяла Грейс входить в подобные генетические воспоминания.

– Ты действительно им доверяешь? – спросила Наталья.

– Кому? – спросила Грейс.

– Исайе и Виктории.

– Я знаю, что они дают нам возможность сделать нечто важное, – сказала Грейс.

– Поэтому ты вернулась? – спросила Наталья.

Ответ на этот вопрос был более сложным, чем просто «да», но именно так Грейс и ответила.

В начале, еще в истории с Монро, единственной целью Грейс было благополучно добраться домой с братом. Потом их поймали тамплиеры – или спасли, в зависимости от того, как посмотреть. Агенты привезли их в этот центр «Абстерго» и все объяснили. Они рассказали им о тайной войне тамплиеров с ассасинами на протяжении всей истории. Они изложили миссию тамплиеров, которая заключалась в достижении стабильности, мира и прогресса на всей планете.

Конечно, тогда пришли родители Грейс, и папа немедленно увез их обоих домой. Дэвид возражал, да и у Грейс тоже было свое мнение на этот счет. Но это был их отец. Он был сварщиком, и его не раз увольняли. Он не был склонен доверять никакой корпорации – даже такой крупной и богатой, как «Абстерго». Сразу после того, как они вернулись домой, случилась еще одна перестрелка между бандами, всего в двух кварталах от их дома. Родители Грейс делали все возможное, чтобы обеспечить семье безопасность, а Грейс делала все возможное, чтобы оградить Дэвида от неприятностей. Но в том неподходящем месте и в неподходящее время все это не имело значения. Поэтому отец отправил их обратно в Эйри, где было безопасно. И если Дэвид не воспринимал это всерьез, Грейс беспокоилась, чтобы «Абстерго» не исключила их обоих из своей программы.

– Ну что, идем? – спросил Дэвид, отставляя пустую тарелку.

– Конечно, – сказала Грейс.

– Наталья, ты идешь? – спросил Дэвид.

Она покачала головой.

– Идите без меня.

Они попрощались с ней и оставили ее сидеть в зале, а сами направились через стеклянные переходы в зал Анимуса. Она провела Дэвида к его комнате, где уже ждал техник, и пошла к своей. Ее уже тоже ждали, но Виктории еще не было, поэтому Грейс тоже решила подождать.

Через некоторое время пришла Виктория, немного запыхавшись.

– Извини, Грейс. Это было довольно сложное утро. Ты готова отправиться в Западную Африку?

Раздраженная долгим ожиданием, Грейс заявила:

– Частицы Эдема там нет.

– Ты провела всего несколько часов в этих воспоминаниях, – сказала Виктория. – Тимбукту[14 - Город на севере центральной части Мали, в 13 км к северу от реки Нигер.] был крупным торговым центром.

– Мне кажется, что это просто пустая трата времени, – сказала Грейс.

Виктория вздохнула и провела пальцами по лбу.

– Я знаю, что ты нетерпелива. Но другого пути нет. Данные, которые мы получили из файлов Монро, являются неполными. Если бы у нас было его ядро Анимуса, мы бы точно знали, куда тебя отправить.

– Значит, вы его не нашли?

– Нет.

– Как насчет Оуэна и Хавьера?

– Мы бы сообщили тебе, если бы что-нибудь знали. Но информация, которой мы обладаем, приводит к заключению, что некоторые из твоих предков имели отношение к частям Трезубца. Мы делаем все возможное, используя то, что имеем. Сопоставляя исторические данные и отправляя в разные места твоих друзей, мы пытаемся сузить круг поиска. На все это требуется время.

Грейс вошла в кольцо и надела пояс.

– Я хотела бы занять место Натальи. Она даже не хочет входить в свою симуляцию. И сейчас она – наилучший вариант, не так ли?

– Признаю, было бы неплохо, если бы мы могли отправить тебя в ее воспоминания. Но этот Анимус намного быстрее и стабильнее, чем Геликс.

– Поэтому я просто должна ждать и ничего не делать.

– Нет, не ничего.

– Кажется, будто я ничего не делаю.

– Почему тебе так кажется?

Грейс заметила изменение в тоне Виктории, когда она переключилась с режима «ученый» в режим «психотерапевт». Женщина слегка наклонила голову, ее взгляд стал очень мягким и серьезным. Но Грейс была не в том настроении, чтоб заниматься терапией.

– Неважно. Давайте просто сделаем это. Западная Африка так Западная Африка.

Виктория заколебалась.

– Ты уверена? Мы можем поговорить об этом.

– Я в порядке.

Грейс приготовилась.

– Может, в этот раз я что-нибудь найду.

– Если ты уверена, – сказала Виктория, медленно поворачиваясь к компьютерам, – я верну тебя в тот момент симуляции, на котором ты остановилась вчера.

Прикрепив Грейс к экзоскелету и всем устройствам, она выставила ее текущие жизненные показатели и надела на ее голову шлем.

– Ты готова?

– Да.

Загрузка Коридора Памяти через три, две, одну...

В сознании Грейс произошла яркая вспышка. Через мгновение она очутилась в той знакомой пустоте туманных форм, которые время от времени появлялись в поле зрения и были ни на что не похожи.

– Как ты?

– Просто замечательно.

– Симуляция готова. Скажи, когда можно начинать.

Грейс закрыла глаза, ожидая момента, когда Теменной Супрессор тараном ворвется в ее сознание.

– Я готова.

– Введение теменных контактов через три, две, одну...

Таран врезался в сознание, и казалось, что ее череп раскололся от этого удара. Но это чувство постепенно прошло и сменилось очень странным ощущением, как будто она находилась везде и нигде одновременно. Как будто между ней и окружающим миром не было никакой разницы. Границы между ее мыслями, ее

телом и вселенской материей стали размытыми и смазанными.

Загрузка генетической идентичности через три, две, одну...

Сознание Грейс вновь появилось, и она ощутила тяжесть внезапно вернувшегося окружающего мира. Немного пошатнувшись, она взглянула на тело своего предка.

Масирех был худощавым мужчиной. На нем были шапка, халат с поясом и сандалии. На поясе висел кинжал. Он пока находился вне сознания Грейс. Она чувствовала, что он ждет. И хотя это ей все еще тяжело давалось, она открыла ему доступ в ее мысли.

Помогало то, что она уже знала его. Его жену и детей. Его профессию и его мир. Он во многом походил на ее отца.

– Подожди немного...

– Я готова.

– Хорошо. Загрузка полной симуляции через три, две, одну...

Серость Коридора Памяти сменилась желтыми и коричневыми оттенками, ветер швырнул песок в глаза и рот Грейс. Протерев глаза, она обнаружила, что стоит на улице города Тимбукту.

Здания с гладкими стенами из кирпича и песка, окружавшие ее, казалось, были построены в восточном стиле. Пальмовые ветви покрывали крыши, а над ними Грейс увидела мечеть. Словно кактус шипами, башня мечети была покрыта деревянными балками. Стоял беспощадный зной, и Грейс почувствовала, что ей тяжело дышать.

За ее спиной взревел верблюд, и она поспешила убраться с дороги. Животное было навьючено солью, которая стала очень прибыльным товаром, хотя и не столь прибыльным, как золото Масиреха.

Получив полную свободу действий от Грейс, он направился к месту назначения. Масирех шел на встречу с торговцем из Марракеша[15 - Один из четырех имперских городов Марокко, четвертый по величине город страны.] с надеждой завязать новые торговые отношения. С его помощью он бы получил прямой доступ к испанцам и другим королевствам кафиров[16 - Неверный, то есть исповедующий другую религию, кроме ислама, или вовсе не исповедующий никакой.] на севере. Были те, кто выступал против ведения дел с евреями и христианами, но в душе Масиреха прагматизм победил веру.

По пути он зашел на рынок предметов роскоши и остановился, чтобы полюбоваться тонким шелком из Персии. Красная ткань текла и скользила между его пальцами как вода. Масирех решил купить ее по дороге домой.

Марракешский торговец поселился в гостинице на краю города. И хотя Масирех считал, что было бы более целесообразным встретиться в его доме, от личных предпочтений пришлось отказаться в интересах дела.

Когда Масирех добрался до гостиницы, ее владелец отправил его к беседке на заднем дворе, где расположился торговец и несколько его людей.

– Вы знаете его? – спросил владелец гостиницы, прищурившись.

– Я знаю, кто он, – сказал Масирех и направился на встречу.

Торговец был плотным мужчиной, одетым в очень хороший халат, с гораздо более светлой кожей, чем у Масиреха, и длинной бородой.

– Мир вам, – произнес Масирех, подходя к беседке.

– Добро пожаловать, большая честь встретиться с вами, – сказал торговец, приглашая Масиреха присесть на изящную подушку. – Я много слышал о вашей высокой репутации, качестве вашего золота и о честности ваших сделок.

– Вы мне льстите, – сказал Масирех.

Люди торговца поднялись и разместились по углам вокруг беседки, образуя круг. Казалось, это не беспокоило Масиреха, но у Грейс возникло нехорошее

предчувствие.

– Прошу, – сказал торговец, указывая на горшок, стоявший на жаровне с древесным углем. – Позвольте предложить вам чаю.

Масирех опустил голову.

– Благодарю вас.

Торговец налил чай в чашку. Около часа они не затрагивали истинную причину их встречи, обсуждая вместо этого места, куда торговец недавно путешествовал, и его впечатления после отъезда из Марракеша. Только после третьей чашки они перешли к делу.

– У вас есть постоянные покупатели? – спросил Масирех.

– Да, – ответил торговец. – И они хотят заключить со мной соглашение о поставках вашего золота.

– Я очень хочу поработать с ними, – сказал Масирех.

– Только есть одно требование, на котором они настаивают.

Масирех наклонился вперед.

– И что это за требование?

Торговец заколебался.

– Я доверяю вам, Масирех. Мне неудобно даже говорить вам это, но мои покупатели хотели бы получить гарантии того, что поставка вашего золота будет соответствовать их потребностям. Они опасаются, что если вдруг завтра с вашими рудниками что-то случится, им придется искать новый источник золота в другом месте.

– Я не обижаюсь, – сказал Масирех. – Но могу заверить вас, что в моих рудниках будут продолжать добывать золото и после моей смерти, а мои внуки будут проводить подобные встречи с вашими внуками.

– Я верю вам. Но мои покупатели настаивают, чтобы я лично осмотрел рудники.

У Грейс снова возникло плохое предчувствие, но в этот раз Масирех также начал что-то подозревать. Он начал ерзать на подушке, которая больше не казалась столь комфортной. В беседке стало жарко и как будто сгустились тени.

– Боюсь, это невозможно, – сказал Масирех. – Месторасположение рудников вангара[17 - Субэтническая группа народа сонинке, традиционно вовлеченная в транссахарскую торговлю и распространение ислама в Западном и Центральном Судане. В Средние века вангара превратились в конфедерацию торговцев, контролировавших торговые пути и завладевших монополией в торговле золотом в областях к югу от Сахары.] держится в строжайшем секрете. Я думаю, вы знаете это.

Торговец кивнул.

– Конечно, знаю. И я бы не стал говорить об этом, если бы мои покупатели не были столь настойчивы в этом вопросе.

– Тогда они будут разочарованы, – сказал Масирех, моргая.

Его зрение стало несколько расплывчатым – возможно, из-за яркого света солнца. Грейс знала, что она могла заставить Масиреха встать и уйти, пока не стало слишком поздно. Но она также знала, что изменения воспоминаний приводят к десинхронизации, и ее выбросит из симуляции. Ощущения при воздействии Теменного Супрессора на мозг во время десинхронизации были чрезвычайно неприятными.

– Я могу что-нибудь сделать, чтобы убедить вас? – спросил торговец.

– Ничего.

У Масиреха начало темнеть в глазах, и хотя Грейс хотела закричать, его слова прозвучали очень тихо.

– Надеюсь, это... не станет... непреодолимым препятствием...

Торговец улыбнулся ему.

– Думаю, мы договоримся.

Масирех посмотрел на свою пустую чашку и понял, что его отравили. Падая на ковер, он видел, как силуэты людей торговца окружают его, а затем провалился во мрак.

* * *

– Он без сознания, – сказала Грейс, плавая в более темной пустоте, чем в Коридоре Памяти.

– Да, – прозвучал незнакомый голос.

– Кто вы?

– Это Анайя, техник. Мы уже встречались. Доктор Бибо сейчас с Натальей. Ты в порядке?

– Да, – сказала Грейс. – Нужно просто немного подождать.

Такое уже случалось раньше. Когда ее предок спал или был без сознания, симуляция прерывалась. Но время в Анимусе шло быстрее, и это обычно долго не длилось. Хотя сейчас Грейс действительно беспокоилась о Масирехе и хотела узнать, что случилось.

– Похоже, он приходит в себя, – сказала Анайя.

Грейс снова сосредоточилась, и серая дымка скоро сменилась картиной яркого ночного неба, усеянного звездами. Над головой, похожий на пыльную бурю в

космосе, растянулся Млечный путь, и Грейс поняла, что Масирех лежал на спине. Она снова открыла проход в свое сознание и дала ему свободу действий.

Масирех попытался сесть, но обнаружил, что его руки и ноги связаны. Его движение, кажется, не осталось незамеченным. Он услышал шелест песка под ногами приближавшегося и через миг увидел стоявшего над ним торговца, который что-то ел.

– Я уверен, ты знаешь, что будет дальше, – наконец-то дожевывая, сказал он.

– Ты отпустишь меня и поползешь обратно в Марракеш, чтобы встретиться с разочарованными покупателями, – сказал Масирех.

Торговец засмеялся.

– Нет никаких покупателей. Ты это знаешь.

Масирех улыбнулся в ответ.

– Да, я знаю.

– Ты отвезешь меня на свои рудники.

– Нет.

– Тогда мы убьем тебя.

– Я буду не первым и не последним из племени вангара, кто умрет такой смертью.

Грейс почувствовала, как колотится сердце Масиреха, хотя внешне он пытался сохранять спокойствие. Он понятия не имел, где они находятся. Но поскольку уже была ночь, он пробыл без сознания несколько часов, и они могли вывезти его на много километров от Тимбукту. После того как он был отравлен, его, скорее всего, просто завернули в ковер и бросили на верблюда, как поклажу. Жена, наверное, гадала, где он, а сыновья искали его по всему городу.

– Ты теперь не сможешь показываться в Тимбукту, – сказал Масирех. – Где же ты будешь продавать золото?

– У меня есть партнеры, – ответил торговец. – Проблем не возникнет.

– Интересно, знают ли они, что имеют дело с человеком, который может легко подсыпать яд в чай.

– Это не имеет значения, – сказал торговец. – Золото есть золото. Ты доведешь нас до своих рудников. Я дважды не повторяю.

– Не дожدهшься, – ответил Масирех.

Торговец вытащил из-под халата нож, в котором Масирех узнал свой кинжал. Купец наклонился и провел лезвием по щеке Масиреха. Одно быстрое движение, и горячая липкая кровь побежала ручейком по его щеке. Масирех ощутил острую боль.

– Я не подарю тебе легкую смерть, – сказал торговец.

– Разве смерть бывает легкой? – спросил Масирех, слизывая кровь, стекавшую возле уголка рта. Грейс почувствовала привкус железа.

– Признаю, – процедил торговец, – ты храбрее, чем я ожидал.

Масирех ничего не ответил. По правде говоря, он не считал себя храбрым, и Грейс чувствовала его ужас. Она старалась убедить себя, что ему удастся это пережить. Он должен был это сделать, иначе не было бы возможности двигаться дальше по его генетической памяти. Но что он пережил раньше?

– Я собираюсь поспать, – сказал торговец. – Но не думаю, что ты последуешь моему примеру. Ты всю ночь будешь думать о том, что я сделаю с тобой завтра утром. Тебе придется гораздо хуже, если не отвезешь меня на свои рудники.

– Сколько у меня времени на размышления? – спросил Масирех.

– Пять часов до рассвета, – ответил торговец. – Времени достаточно.

Не дав Масиреху еще что-нибудь сказать, его похититель ушел, вновь открыв ему вид на звезды. Поскольку пленник хорошо разбирался во времени, ему удалось понять свое примерное местонахождение. Редко кто проходит через пустыню без карты. Они находились предположительно километрах в шестнадцати к западу от города, недалеко от бассейна большой реки, где были найдены сокровища земли.

Масирех снова осмотрел узлы, которые врезались ему в запястья, и понял, что развязать их невозможно, они были завязаны крепко-накрепко. Он повертел головой и понял, что привязан к кольям, воткнутым в землю. Возможности выбраться не было.

Лагерь торговца и его людей был разбит в нескольких метрах от него. Они лежали вокруг огня, не поставив шатров, а верблюды служили им защитой от ветра, и он слышал, как они о чем-то болтают и смеются. Масирех взглянул на небо, произнес молитву Аллаху, после чего Грейс показалось, что границы между ее и его мыслями исчезли, что она начала думать о том же, о чем думал он.

Глава 5

После того как Грейс и Дэвид ушли, Наталья постаралась задержаться за завтраком еще как можно дольше. Ей было интересно, придет за ней Исая или Виктория. Но они не приходили, и в итоге, вздохнув, она медленно направилась в свою комнату Анимуса. По пути она остановилась на маленьком незапертом балконе, желая полюбоваться деревьями и вдохнуть свежего воздуха.

Сосновые иголки поблескивали на утреннем солнце, верхушки деревьев раскачивались от легкого ветерка, словно под музыку. Нежную, как в третьем действии «Пиний Рима»[18 - Симфоническая поэма, написанная итальянским композитором Отторино Респики.] Респики – произведения, которое любил ее отец. Она закрыла глаза и глубоко вдохнула, почувствовав, что на ее руках от холода появились мурашки. Если бы она захотела, то могла бы спуститься с балкона и бежать в лес, вниз по горе. Но разве это можно было бы воспринимать как бегство? На самом деле Наталья не была здесь заключенной. Никто из них

не был.

Это делало их пребывание в Эйри несколько путанным.

Монро говорил, что тамплиеры беспощадны и им нельзя доверять. Что они стремятся доминировать и обрести контроль над миром, подавляя свободу воли. Но до сих пор этого не было заметно. Наталья находилась здесь, потому что она видела выражение лиц родителей, когда Исайя назвал им сумму компенсации, в случае если она останется. Ее мама и папа никогда бы не заставили ее остаться, но участие в «исследовании» «Абстерго» означало то, что им не придется столь усердно трудиться, не говоря уже о «преимуществах в области образования», которые они видели, поэтому Наталья заверила их, что хочет остаться. Но она совсем не была уверена в этом.

Думая о симуляции Баяна, она жалела, что не позволила им забрать ее домой.

За ее спиной кто-то постучал в стеклянную дверь, и Наталья обернулась. По другую сторону двери стоял Исайя, знаками как бы прося разрешения присоединиться к ней.

Она кивнула, и он вышел на балкон, глубоко дыша.

– Я старался обустроить побольше таких мест вокруг центра Эйри, – сказал он. – Спокойных мест для размышления и медитации.

– Приятно слышать, – сказала Наталья.

Он подошел к ней и наклонился вперед, положив руки на перила.

– Я подумал, что тебе, наверное, лучше пропустить симуляцию Анимуса сегодня.

Наталья промолчала.

– Это естественно, – сказал он. – И думаю, что я был немного нетерпелив и груб с тобой вчера. Я прошу прощения, если это так.

Наталья пожала плечами.

– Тебе нужен выходной? – спросил он.

Наталья задумалась, немного удивившись тому, что Исайя предложил это. Но она понимала, что откладывать нет смысла – потом будет только сложнее.

– Я смогу это сделать, – сказала она.

Исайя кивнул.

– Тогда приходи, когда будешь готова.

Он повернулся и пошел внутрь, оставив ее одну на балконе.

Через несколько минут она пошла за ним, и вскоре очутилась возле своей комнаты Анимуса. Ни Исайи, ни Виктории там не было, что показалось ей любопытным, учитывая то, какой важной ее симуляция казалась им вчера. Может быть, кто-то другой уже нашел третью Частицу Эдема в своей симуляции. Если это было так, это, безусловно, помогло бы снизить давление на Наталью.

Некоторое время спустя вошла Виктория, извиняясь за то, что заставила Наталью ждать. Очевидно, Шон и Грейс нуждались в дополнительном внимании. Наталья решила спросить их об этом позже.

Виктория посмотрела на нее с профессиональным сочувствием.

– Ты готова?

– Да, – ответила Наталья.

– То, через что ты проходишь, вероятно, не похоже на ПТСР[19 - Посттравматическое стрессовое расстройство – тяжелое психическое состояние, которое возникает в результате единичных или повторяющихся психотравмирующих ситуаций, которыми могут быть, например, участие в военных действиях, тяжелая физическая травма, сексуальное насилие либо угроза смерти.], – сказала она. – Посттравматический стресс...

– Я знаю, что это, – перебила ее Наталья.

Но, может быть, это было нечто похожее. Вчера она проснулась в полчетвертого утра, вся в поту. Ей приснились взрывы снарядов артиллерии империи Сун.

– Ты получаешь травмы на двух уровнях. На своем уровне наблюдателя, и на уровне твоего предка, как выжившего. Возможно, мы сможем поговорить об этом позже?

Наталья кивнула.

– Может быть.

– Важно, чтобы ты дала мне знать, если начнешь замечать что-нибудь... необычное. Я имею в виду вне симуляции.

– Что, например?

– Воспоминания. Реалистичные сны. Что-то в этом роде. Хорошо?

Все в этом разговоре казалось Натальестораживающим.

– Хорошо.

– Наталья, – посмотрела ей прямо в глаза Виктория. – Я... у меня действительно наибольший интерес именно к твоему сознанию. Я надеюсь, ты знаешь это.

Неожиданная активность доктора еще больше насторожила Наталью.

– Спасибо, – ответила она, но это прозвучало с вопросительной интонацией.

– Однажды я пережила очень трудный период. Тамплиеры помогли мне справиться. Мы можем помочь тебе. Помни это.

Виктория отстранилась.

– А теперь занимай свое место.

Доктор Бибо подошла к компьютеру. Наталья надела пояс в центре кольца Анимуса и через несколько минут ощутила электромагнитный удар по затылку. Образы воспоминаний Баяна, готовящегося напасть на неприступную крепость, постепенно заполняли ее сознание. Это напомнило Наталье о высказывании, в котором неудержимая сила встречает неподвижный объект, и ей было интересно, чем же все это закончится.

Она огляделась вокруг, и в укрытиях увидела солдат из ягуна Баяна и около трехсот других воинов, готовых присоединиться к Ван Дэчэню у городских ворот. Наталья отдала полную свободу действий своему предку по нескольким причинам: ей не хотелось почувствовать боль от десинхронизации, и еще больше она не хотела участвовать в предстоящих убийствах.

Баян принял командование на себя, собирая свои войска с помощью безмолвных жестов. Стратегией Ван Дэчэня была хитрость. Нужно было застичь армию Сун врасплох, и Баян надеялся, что этой ночью Орде, наконец, удастся преодолеть стены крепости.

Несмотря на позднее время, было все так же жарко, и Баян сильно вспотел, пока они ждали команды Ван Дэчэня.

Полководец в сверкающем шлеме ходил туда-сюда перед собранными пешими воинами. Звуки, издаваемые лошадьми, могли выдать их приближение к городским воротам, поэтому воинам нужно было двигаться пешком, держа в руках веревки и крючки. Им оставалось только ждать, пока не зайдет луна.

Баян заметил десятника соседнего арбана, человека, которого он знал. Баян помнил, что Чэнь Лунь был в его подразделении. Среди рядов Баян высмотрел воина-тангута, казавшегося столь же жалким и испуганным, как и прежде.

Наталья могла только пожалеть мужчину сквозь презрение Баяна. Она чувствовала то же, что и Чэнь Лунь, и не хотела принимать в этом участие, хотя она понимала и мышление Баяна, и мир, сформировавший его. Она знала о Тенгри[20 - Верховное божество неба политеистического пантеона народов Евразии тюрко-монгольского происхождения.], Небе-Отце и Эхэ[21 - Первое божество монголов, создавшее землю, послав утку за илом со дна морского и

водрузив доставленный комок глины на спину черепахи.], Земле-Матери, которые отправили монголов-степняков покорять мир. Она чувствовала уверенность Баяна в том, что если бы боги не хотели этой завоевательной войны, господство Великого хана закончилось бы. Наталья понимала его, но понимать – не значит оправдывать.

Луна еще не зашла, но на небе появились густые, плотные тучи, закрывавшие ее свет. Ван Дэчэнь отдал приказ. Подняли сигнальные флаги, и приказ был бесшумно передан дальней стороне строя. Орда молча двинулась вперед, оставив безопасные укрепления, скрываясь за деревьями и шаг за шагом пересекая неровную, влажную местность.

Добравшись до подножья горы, Ван Дэчэнь отдал еще один приказ, который был передан с помощью флагов по всему строю. После чего пехота, в том числе подразделения Баяна, двинулась вперед, а лучники отошли назад. Восхождение началось.

Из-за деревьев и валунов, хаотично расположенных на горе, им было трудно поддерживать обычный порядок строя, мокрые листья кустов то и дело ударяли по лицу Баяна. Луна должна была появиться к моменту достижения пехотой внешней каменной стены города, и тогда Баян знал бы, что Тенгри был с ними.

Ван Дэчэнь флагом подал очередной сигнал фронту, приказывая пехоте и лучникам приготовиться к нападению. Баян почувствовал, как сквозь тело проходит холодный огонь битвы, его меч жаждал крови. Наталья жалела, что не может хоть каким-то образом вырваться из их общего сознания.

Десятки обученных метателей вышли вперед со своими заканчивающимися крючками веревками и с изяществом и точностью пастухов, заарканивающих своих овец, забросили приспособления на самый верх стены города.

Метатели синхронно отступили, и к веревкам подошли воины Баяна. Упершись ногами в стену, они медленно начали карабкаться вверх. Внизу остались воины с натянутыми луками, настороженно высматривающие наблюдателей на стене города, которые могли подать сигнал тревоги.

Прежде чем лично схватиться за веревку, Баян убедился, что все его подчиненные были на стене. Наказанием за дезертирство была смерть. Часто

убивали не только дезертира, но и его командира. Его первые воины уже почти достигли вершины, когда Баян начал подниматься по замшелой стене.

Он успел подняться метра на три, когда сверху с криком рухнул один из воинов. Баян озадаченно посмотрел на него сверху вниз, и тут еще пять воинов с глухим стуком упали с веревок на землю.

Возле левой ноги Баяна в стену со звоном вонзилась стрела. Она была выпущена не монгольскими лучниками и не сверху. Нападение началось из леса на северо-западе.

Посмотрев туда, Баян услышал свист града стрел, и через миг половина людей на веревках с пронзительным криком рухнула вниз. Их было очень много, они падали друг на друга, был слышен звук ломающихся костей. Через мгновение их начали осыпать стрелами и сверху.

Сквозь ужасные крики умирающих Баян услышал команду Ван Дэчэня:

– Вернуться в строй!

– К Ван Дэчэню! – крикнул Баян своим людям, и бросился на землю, ощущая запах крови и слыша свист стрел вокруг.

Чертова армия империи Сун каким-то образом узнала о нападении Орды и окружила их. Баян укрылся за кучей тел, наблюдая, как спускаются его воины, и увидел возле себя Чэнь Луня, лежащего с открытыми глазами и окровавленным лицом. Отвернувшись от него, Баян вглядывался в глубину леса, пытаясь увидеть нападавших. Дождавшись, пока последний из его людей спустится на землю, Баян и остальные бросились в лес, под укрытие деревьев.

Лес дал им небольшое укрытие, но все же стрелы, выпущенные со стены и из леса по левую сторону от них, время от времени попадали в цель.

Баян приказал своим людям оставаться на месте, затем разыскал Ван Дэчэня и обнаружил, что тот сердито смотрит на пятна крови на своем шлеме.

– Наши ряды сократились примерно на треть, – сказал Баян.

– Некоторые из веревок все еще на месте, – Ван Дэчэнь указал на стену сквозь деревья. – Если наши лучники вынудят врага отступить со стены, некоторые из нас смогут достичь вершины.

– А как насчет врага на фланге? – спросил Баян.

– Собери своих людей и идите к ним. Нападите на них и отвлеките огонь на себя.

– Слушаюсь, – сказал Баян.

Он все еще думал, как армия Сун разгадала их маневр, но сейчас не было времени отгадывать эту загадку.

Он юркнул сквозь лес обратно к своим людям, быстро отыскал трех своих десятников и приказал им собрать всех оставшихся бойцов своих подразделений. Через несколько минут было собрано двадцать человек. Немного, но достаточно, чтобы выполнить то, что приказал полководец.

Наталье новая задача казалась самоубийством, но Баян не сомневался в своих силах. И она не могла не восхищаться его храбростью, несмотря на то, что осуждала его действия.

Когда Баян подполз вперед, ближе к вражеским лучникам, он хотел бы, чтобы снова появилась луна. Орда потеряла преимущество неожиданности, и темнота теперь была преимуществом для воинов Сун, которые лучше знали местность.

Баян не спеша вытащил свой меч, его руки были скользкими от воды, пота, или крови. Или от всего этого вместе взятого. Его люди также вооружились и начали сокращать расстояние до противника, осторожно, стараясь не шуметь. Вдруг они заметили силуэт первого лучника. Он стоял за деревом, с луком в руках. Ночь и лес скрывали остальных, но они должны были быть где-то рядом.

Баян молча приказал своим воинам нападать врассыпную, чтобы создать эффект большего числа, а когда они рассредоточились, подал сигнал.

Двадцать человек с криком, пронзившим лесную тишину, бросились вперед. Баян атаковал лучника империи Сун, который начал вертеть головой по

сторонам, услышав звук. На лице лучника застыло выражение ужаса, когда Баян пронзал его своим мечом. Через миг на них обрушились стрелы, но они не попали в цель. Это означало то, что теперь Ван Дэчэнь мог нанести второй удар по стене без давления с фланга.

Баян и его люди прятались и петляли между деревьями, то бросаясь вперед, то отступая, не давая лучникам поразить цель. Увидев второго лучника, беспорядочно разбрасывающего стрелы, Баян приблизился к врагу и хотел броситься на него, но прежде, чем он достиг своей цели, на него выскочила другая тень.

Баян уклонился от удара ножа и повернулся, чтобы поразить нового нападавшего. Внезапно тучи расступились, и лунный свет залил пространство между ними. Баян увидел, что противник был ветераном, его лицо было отмечено боевыми шрамами. Одновременно, боковым зрением, он увидел, что первый лучник достал стрелу.

Баян инстинктивно пригнулся, но как раз подоспел один из его людей и вступил в бой с тем лучником. Баян повернулся к ветерану, в то время как противник снова атаковал. Он едва отразил удар ножа своим мечом. Враг отступил, прежде чем предок Натальи успел нанести ответный удар.

Баян, обладавший преимуществом из-за длины меча, ринулся вперед, но ветеран оказался чрезвычайно проворным, избегая клинка Баяна снова и снова, и каждый раз приближаясь для ответного удара. В пылу битвы Баян заметил, что у противника отсутствует большая часть левого уха.

Внезапный мощный удар по плечу монгольского воина мог стоить ему руки, если бы доспехи не были такими прочными. Баян крикнул и понял, что этот старый воин сражался лучше него, но сам решил не отступать, даже если ему суждено умереть.

Он уклонился, чтобы подготовиться к очередному удару и...

Оглушительный взрыв, от которого затряслась земля, озарил вспышкой лесную глушь. Город применил против Ван Дэчэня свою артиллерию, и Баян знал, что теперь битва проиграна.

Ветеран хотел воспользоваться моментом, когда Баян отвлекся, чтобы атаковать, но монгол был готов к этому. Он отмахнулся, как будто застигнутый врасплох, выманил ветерана вперед, а затем вогнал меч ему в бок, почти по самую рукоятку. Наталье мысленно хотелось закричать.

Это был смертельный удар, ветеран умер почти мгновенно, и Баян выдернул свой клинок из упавшего тела.

В лесу раздался звук рожка, приказывающего отступить. Баян созвал своих людей, и они начали отступление, возвращаясь к основным силам Орды под градом смертоносных стрел. Добравшись до линии фронта, Баян застал там хаос. Деревья пылали, густой дым вздымался в небо, воины носились туда-сюда, часть их столпилась вокруг лежащего на земле человека.

Приблизившись к ним, он понял, что они столпились вокруг Ван Дэчэня. Полководец выглядел ужасно – на груди зияла рваная рана, а голова была залита кровью.

– На помощь! – закричал Баян, понимая, что раны были смертельными. – Мы должны доставить его в укрытие!

Двое мужчин склонились, чтобы помочь ему, в то время как остальная Орда бежала вниз с горы. Никто из армии Сун не покинул свою безопасную крепость, чтобы погнаться за ними. Казалось, они знают о ложном отступлении монголов, за что, в данной ситуации, Баян был им благодарен.

Когда они приблизились к укрытиям, несколько встречавших их воинов сразу бросились в лагерь за помощью. Поэтому к тому времени, пока Баян добрался до юрты полководца, шаман, одетый в маску и украшенный перьями головной убор, уже ждал их.

Целитель приказал положить Ван Дэчэня на землю и осторожно, чтобы не трогать раны, снял с него одежду и доспехи, одновременно совершая песнопения и призывая богов и духов предков.

– Вы должны вскрыть брюхо быка и положить раненого внутрь! – наконец прокричал шаман.

Несколько воинов бросились прочь из палатки, и через несколько минут Баян услышал рев быка. Затем он помог шаману вынести полководца из юрты. Зверь уже лежал на боку, мертвый, горло было разрезано. Собралась большая группа воинов, один из командиров взял свой меч и вспорол брюхо быка. Ошметки кишечника брызнули на землю. Это зрелище повергло Наталью в еще больший ужас, чем испытанный во время битвы. Она ощутила смесь отвращения и полной неразберихи, хотя знала, что для Баяна этот ритуал был вовсе не странным.

– Ван Дэчэнь! – прозвучал крик.

Все повернулись и увидели, что к ним спешит Великий хан, одетый в золотые доспехи. Все собравшиеся там низко поклонились и расступились, чтобы пропустить его. Рядом с ханом бежал его шестнадцатилетний сын, Асутай.

– Он был ранен артиллерией армии Сун, мой господин, – сказал Баян, также склонив голову.

Мункэ подошел к своему полководцу.

– Помогите мне с ним.

Без промедления Баян наклонился, и помог шаману и Великому хану затолкать тело Ван Дэчэня в брюхо быка. После этого шаман, продолжая свои песнопения, начал бить в барабан и танцевать.

– Если мы потеряем его, я останусь как без рук, – сказал Великий хан.

Баян не был уверен, что Мункэ обращался к нему, поэтому не поднимал голову и ничего не говорил. Его руки были покрыты кровью быка.

Но хан повернулся к нему.

– Ты был там?

– Кажется, я знаю, что произошло, мой господин.

– Расскажи мне.

Баян поднял голову.

– Армия Сун знала, что мы придем. Каким-то образом они окружили нас снаружи ворот, и мы об этом не знали, пока их стрелы не посыпались на нас. Ван Дэчэнь попытался начать вторую атаку, но их пушечный выстрел ранил его.

Мункэ кивнул, дрожа от неистовой ярости.

– Доставьте его в храм на Синь Юнь! – прокричал он и умчался.

Баян повернулся к полководцу, лежащему внутри быка. Ритм барабана учащался, голова шамана неистово тряслась, когда тот приседал и танцевал. Все смотрели на шамана с надеждой и мольбой. Мужчины прикатили телегу, погрузили на нее быка с полководцем внутри, и направились к храму на юге.

Наталья почувствовала сомнение Баяна – впервые, с тех пор как она начала эту симуляцию. Возможно, боги обратились против Великого хана, собираясь забрать его великого полководца. Возможно, они не были довольны его пребыванием в этом месте в эти жаркие и зловонные летние месяцы. Говорили, что некоторые были против этого, но Мункэ был категоричен. Возможно, это было наказанием за его высокомерие. Должен был быть ответ на это. Должна была быть причина.

Эти и другие мысли беспокоили Баяна. Вопрос о том, откуда появились лучники империи Сун, в частности, оставался без ответа.

Но пока он пошел искать Бокэ, чтобы сделать доклад, после чего ему нужно было разобраться со своими людьми и узнать, кого из них он потерял.

– Как ты? – внезапно спросила Виктория, и Наталья почувствовала прилив благодарности, услышав голос доктора. – Тебе снова нужен перерыв?

– Да, пожалуйста, – прошептала Наталья.

Это был единственный способ отмыть руки от крови.

Глава 6

Оуэн стоял в подвале жуткого дома ассасина и указывал на новый Анимус.

– Вы хотите отправить меня в Китай?

– Да, – сказала Ребекка. – В 1259 год. Тамплиеры восстановили некоторые данные Монро. Эти данные указывают на то, что Частицей Эдема обладал хан Мункэ.

– Хан Мункэ? – спросил Хавьер.

Ребекка повернулась к нему.

– Внук Чингисхана. Его дедушка был убит Куланом Галом.

Хавьер сложил руки на груди.

– Если вы говорите, что он был убит...

Гриффин кивнул.

– Одним из наших.

– Данные Монро имеют смысл, – сказала Ребекка. – После смерти Чингисхана Монгольская империя продолжала расширяться. Она распространилась на территории России и Персии. Они были на пороге Европы, и большинство людей в то время считали, что монголы были посланы прямо из ада, как наказание Божье. Разумеется, ханам немного помогла невероятная передовая технология, хотя, возможно, они этого не понимали.

– Я даже не знал, что у меня есть китайские предки, – сказал Оуэн.

Ребекка кивнула.

– Большинство людей были бы очень удивлены своими ДНК. Мы все взаимосвязаны. Чингисхан, вероятно, имеет шестнадцать миллионов живых потомков.

– Так что случилось в 1259 году? – спросил Хавьер.

Ребекка подошла к стеклянному столу для переговоров. Когда она коснулась его поверхности, над стеклом появилась голограмма. Монро делал так же с журнальным столиком на своем складе. Оуэну казалось, что это было давным-давно.

Сейчас перед ними была Земля, южная часть Китая была выделена.

– В 1259 году хан Мункэ совершил нападение на одну из последних крепостей империи Сун, – указала Ребекка на мигающую точку на земном шаре. – Место под названием Дяюйченг[22 - Крепость на горе Дяюй площадью 2,94 км?, занимает полуостров, недалеко от слияния рек Цзялинцзян, Фуцзян и Цюйцзян, находится на территории национального парка «Гора Цзиньюньшань». Известна тем, что во время нашествия монголов в XIII веке выдержала осаду, длившуюся более тридцати лет.], или Рыбацкий городок. Впечатляющая крепость. Хан Мункэ умер во время нападения, и это приостановило расширение Монгольской империи.

– И если у него был один из зубцов... – сказал Гриффин.

– Он может быть там, – подхватила Ребекка. – Или, по крайней мере, это именно то время и место, откуда мы начнем поиск.

Оуэн шагнул к голограмме, изучая ее.

– Так это как в Нью-Йорке. Я войду в Анимус, чтобы попытаться найти эту вещь или отследить ее путь.

– Совершенно верно, – сказала Ребекка. – Ты готов?

– Конечно, – ответил Оуэн.

– Как насчет меня? – спросил Хавьер.

Ребекка посмотрела на него.

– Пока отдыхай.

Хавьер нахмурился.

– Разве я не могу ничего сделать?

– Нет, – ответила Ребекка. – Пока не можешь.

Хавьеру это явно не понравилось, но если бы их поменяли местами, Оуэн тоже был бы недоволен. Он ничего не мог с этим сделать.

– Как Монро это все выяснил? – спросил Гриффин.

Ребекка переключила голограмму на изображение ДНК. Перед их глазами вращалась двойная спираль.

– В Трезубце нет ничего магического. Это технология. Очень-очень передовая, но все же технология. Похоже, зубцы выделяют уникальную форму энергии, или излучение, которое взаимодействует с ДНК человека. Оно оставляет след, генетический маркер, который передается. На самом деле мы не знаем, что это за маркер, но Монро явно это выяснил. Тамплиеры тоже это поймут, это лишь вопрос времени.

– Излучение? – спросил Оуэн. – Оно изменило мою ДНК?

– Похоже на то, – сказала Ребекка. – Мы все еще пытаемся это выяснить.

– Хотел бы я, чтобы Монро был здесь и все объяснил, – сказал Оуэн.

Он все еще не знал, что ему думать о Монро. Кто он, или где он был.

– Я сам хотел бы поговорить с ним, – сказал Гриффин, но его слова прозвучали угрожающе.

Ребекка выключила голограмму.

– Если ты готов, давай сделаем это. Мне нужно идти.

– Я готов, – сказал Оуэн.

Они подошли к новому креслу Анимуса, которое отличалось от кресла Монро и выглядело куда более изящным и удобным. Оуэн сел в него.

– Я использовала новый процессор и чертежи, – сказала Ребекка. – Но у этой машины есть элемент, который я отключила.

– Какой элемент? – спросил Оуэн.

– Насколько я могу судить, – сказала Ребекка, прикрепляя Оуэна к различным ремням и проводам, – «Абстерго» разработала способ подавления активности теменных долей. Он предназначен для невероятно сильной симуляции, но я не осмелюсь использовать его до тех пор, пока не узнаю об этом больше. Нам не хочется повредить твой мозг. Так что это будет обычная симуляция, очень похожая на те, которые ты уже пережил. Понятно?

– Понятно. Думаю, я готов.

– Тогда давайте сделаем это.

Ребекка начала подключать Оуэна к Анимусу.

– Удачи, – сказал Хавьер.

– Разбуди меня, если я начну пускать слюни, – весело ответил Оуэн.

Ребекка надела на Оуэна шлем. Теперь он не видел ничего вокруг. Он как будто погрузился в воду точно такой же температуры, как его тело, что обострило его

чувства и отрезало от окружающего мира.

– Все в порядке? – спросила Ребекка. – Ты меня слышишь?

– Четко и ясно.

– Я стараюсь, – последовала пауза. – Все хорошо, Коридор Памяти загружен.

– Включайте, – сказал Оуэн.

– Хорошо, поехали.

Ослепляющий, немного болезненный свет ударил в глаза, и Оуэн зажмурился. Но постепенно боль утихла, и, открыв глаза, он обнаружил, что находится в невероятной комнате ожидания Анимуса. Ничего удивительного. Он был здесь раньше. Однако он был удивлен, когда посмотрел вниз.

– Я женщина.

– Это проблема?

– Нет, – сказал он. – Просто... наблюдение.

Он разглядывал предка, в которого вселился. На ней были черные одежды и кожаные доспехи с тиснением. Сбоку висел меч, на руках были перчатки. В одной перчатке спрятан клинок, на другой был арбалет.

Оуэн вытянул руки с оружием перед собой.

– Она ассасин.

– Кажется, да. Но у нас нет записей о ней за этот период времени.

– Это нормально?

– Это не так уж необычно. Тамплиеры крадут или уничтожают наши записи всякий раз, когда находят их. Ход времени тоже не помогает. Некоторые записи просто слишком хорошо скрыты, даже от нас.

– Я чувствую, как она давит на меня.

Оуэн как будто ощущал тяжесть в голове, перед которой он должен был медленно сдаться.

– Симуляция загрузилась?

– Еще несколько секунд.

Оуэн провел в ее сознании уже достаточно времени, чтобы узнать, что имя его предка было Чжан Чжи. Ее отец тоже был ассасином.

– Все, готово. Скажи, когда можно начинать.

– Начинайте.

В пустоте Коридора Памяти вспыхнул яркий свет, опалив разум Оуэна, но боль постепенно проходила, и он обнаружил, что сидит на циновке на деревянном полу. Стены вокруг него были обиты бамбуковыми досками, справа была дверь. Стояла летняя ночь, он знал это, и с каждым моментом понимал все больше, поскольку воспоминания Чжан Чжи занимали его сознание.

Монголы были у ворот. Ее отец отправился на бой с их армией. Всю ночь гремели взрывы снарядов. Ее отец не вернулся.

Чжи попыталась сосредоточиться, используя свое Орлиное Зрение, мастерство, которым она еще не овладела. Отец обучил ее искусству рукопашного боя. Он также обучил ее владеть различным оружием и акробатике, которую Оуэн считал разновидностью фрирана. Чжи мастерски овладела всеми этими умениями, но с Орлиным Зрением все еще возникали проблемы. Даже сейчас, когда она пыталась расширить свое сознание, чтобы почувствовать какие-то образы сквозь воздух и вибрации в половицах, у нее ничего не получилось. Она чувствовала, что кто-то приближался к ее дому, ощущала тяжелые шаги, но

ничего не знала о пришельцах или их намерениях. Учитывая события ночи, возможно, она и не хотела знать.

Через мгновение она услышала кашель в дверном проеме. Она повернулась и увидела солдата в лакированных пластинчатых доспехах. Он склонил голову.

– Меня прислали сопроводить вас.

– Куда?

Солдат поднял глаза.

– К вашему отцу. Я не вправе говорить почему.

Чжи поднялась на ноги. Было много причин, по которым ее отец не смог прийти сам, и каждая из них пугала ее. Испытывая страх, она последовала за солдатом.

Они шли по улицам Рыбацкого городка, где жизнь текла своим чередом, несмотря на осаду, хотя в это время ночи все находились дома и спали. Улицы патрулировали солдаты империи. В Рыбацком городке хватало и еды, и воды. Единственной сферой, которая в последние месяцы пострадала в связи с осадой монголов, была торговля.

По главной дороге они отправились за город, проходя мимо Императорского дворца на севере, мимо отражения луны в Большом Небесном Бассейне. Они направлялись к хорошо освещенным казармам, в которых, казалось, царила суматоха. К Чжи вернулось тревожное ощущение. Оно увеличивалось с каждым шагом, во рту пересохло, дыхание перехватывало. Очевидно, бой с монголами завершился, но не без потерь.

– Сюда, – сказал солдат, когда они добрались до казарм. Он провел ее к одному из зданий и остановился в дверном проеме.

– Прошу прощения, – сказал он. – Приготовьтесь.

Это подтвердило самые ужасные ожидания Чжи. Она вошла в здание с единственным, большим, прямоугольным помещением, и почувствовала запах

крови. В помещении сустились врачи, оказывая помощь раненым. Но она увидела своего отца, лежащего среди мертвых.

Полководец Ван Цзянь стоял над ним с мрачным почтением. Чжи опустилась на колени рядом с телом отца и заплакала.

Вне ее воспоминаний Оуэн почувствовал горечь потери собственного отца. Никто не приходил за ним, как за Чжи. Ни один генерал не отдавал его отцу последних почестей. Вместо этого пришел полицейский в форме, который подчеркнуто официально сообщил о том, что произошло. У отца Оуэна лопнул аппендикс, и он умер в тюрьме.

Вот и все.

Смерть.

Никаких прощаний. Никакого последнего «я люблю тебя». Просто смерть.

– Он спас город, – сказал полководец Ван Цзянь.

Чжи села и вытерла глаза, а Оуэн с усилием вернулся в ее сознание.

– Что произошло? – спросила она.

– Наши разведчики обнаружили, что приближается монгольская армия, – ответил полководец. – Мы были к этому готовы. Твой отец повел свой специально подобранный отряд вниз через пещеру Фейян, чтобы напасть на врага с фланга. Северяне попали в ловушку, и победа осталась за нами. Но маленький отряд напал на твоего отца и его людей. Смертельный удар был почти мгновенным. Он не страдал. Он спас город.

Чжи посмотрела на лицо отца. Глубокие морщины. Шрам от потери большей части уха в битве много-много лет назад. Ей снова хотелось заплакать, но она сдерживала слезы. Она будет скорбеть в одиночестве.

– Мы будем чтить его память, – сказал командир. – Я лично позабочусь об организации его похорон.

– Спасибо, – сказала Чжи. – Он очень уважал вас.

– Мы с твоим отцом часто расходились во мнениях, но я знаю, что он любил наших людей и нашу землю.

Поклонившись, военачальник пошел проводить других раненых воинов, которые еще были живы.

Чжи наклонилась, положила руки на колени и поцеловала отца в лоб. Затем она сняла перчатку со скрытым клинком с его руки. Кто бы ни был причиной его гибели, убийце не сойдет это с рук. Она возвращалась в город, прижимая к груди эту перчатку, которая станет для нее святыней в их доме. Ее доме. В доме, в котором она теперь жила одна.

Но когда она добралась домой, ее уже ждали. Подходя к двери, она почувствовала, что ее ждал Кан. Чтобы понять это, ей даже не требовалось использовать Орлиное Зрение. Старый наставник ее отца вечно пах рыбой.

– Входи, – сказал он с другой стороны двери. – Нам нужно поговорить.

Чжи вошла и увидела, что он сидел на любимом стуле отца – низком, с высокой спинкой и круглыми ножками. Вид этого старика, который сидел на нем, скрестив ноги, взбесил ее.

– Мне не хочется разговаривать, – сказала она, стоя в дверном проеме.

– Если бы только твои чувства могли спасти наших людей, – протянул он. Свет лампы за его спиной отбрасывал тень на его угловатое лицо.

– Он умер из-за вас! – воскликнула она. – Вы приказали ему...

Кан как будто насмехался над ней.

– Ты действительно в это веришь? Поскольку я думаю, что Орда хана с радостью припишет себе честь его убийства.

Чжи хотела обвинить Кана и продолжала злиться на него, но она знала, что старик говорит правду. Оуэн осознал, что они в этом похожи. Когда его отец умер, он хотел хоть как-то обвинить своих дедушку и бабушку. Он злился, потому что они никогда не воспринимали его отца, никогда не считали его никем другим, кроме как хулиганом, с которым их дочь встречалась в старших классах. Но, в конце концов, Оуэн признал, что их вины в его смерти не было.

– Да войди же ты, Чжи, – сказал старик. – Ты же не можешь вечно стоять на пороге.

Она посмотрела на него. Единственным, что заставило ее войти, была любовь, которую ее отец испытывал к своему наставнику. Это была любовь, которую Чжи никогда не понимала, но из уважения к отцу она должна была по крайней мере выслушать Кана.

– Так вот, – сказал он, когда она села напротив него. – Во-первых, я должен поправить тебя. Я не приказывал твоему отцу идти к стене.

Чжи уставилась на него.

– Не приказывали?

– Нет. Я всегда советовал твоему отцу уйти из армии. Наше Братство работает по-другому. Но твой отец, к его чести, никогда не позволял хорошим храбрым людям умирать.

Она поверила ему, и с этим откровением ее гнев на старика практически испарился, хотя небольшой осадок остался.

– Но его честь не спасла его, не так ли? – добавил Кан, чем вызвал новую вспышку гнева Чжи.

– Его сила перешла к тебе, – продолжил Кан. – Ты должна занять место своего отца. Но как ты почтишь его? Умрешь в сражении смертью храбрых, как он? Или выберешь собственный путь?

– Я не знаю, что я буду делать.

– Я не жду ответа на этот вопрос сегодня. Сейчас я уйду, а ты подумай, – сказал он, поднявшись со стула.

Он взял трость и поковылял к двери.

– Но теперь я твой наставник, и я хотел бы, чтобы ты читала не только имя своего отца, но и Братство. Ты могла бы спасти наших людей.

– Как? – спросила Чжи.

– Сделай то, чего не могу я.

В дверях старик повернулся и сказал:

– Будь ассасином.

После его ухода Чжи еще долго сидела на стуле, уткнувшись в лампу, вспоминая отца и сохраняя хрупкую надежду на то, что каким-то образом он все еще жив. Он еще вернется домой. Тело, которое она видела, было ошибкой.

Оуэн тоже вспомнил похожие ощущения. После ухода полицейского, в течение следующих двух дней он умолял маму отправиться в тюрьму для посещения. Полиция допустила ошибку, и его отец там, он живой. Наконец он перестал просить, потому что это только заставляло мать плакать, и в конце концов он понял почему. Отрицание очевидного никогда не делало ситуацию лучше. Обычно все было только хуже, если дело касалось личных переживаний.

Чжи осознала это ближе к рассвету. Погасив лампу, она легла на кровать, держа в руке перчатку отца, и снова заплакала. Приняв, наконец, решение, которое требовал от нее Кан, она заснула со слезами на глазах.

Оуэн очутился в серой пустоте симуляции. Он был здесь раньше, с Вариусом.

– Ты в порядке? – спросила Ребекка.

– Все отлично, – ответил Оуэн, но это прозвучало не так уверенно, как он себя чувствовал.

– Пока все выглядит неплохо. Я собираюсь передать управление Гриффину. Меня, вероятно, уже не будет здесь, когда ты выйдешь, поэтому я попрощаюсь сейчас. И удачи тебе.

– Спасибо, – сказал Оуэн.

Минуту спустя он услышал хриплый голос Гриффина:

– Ты скоро проснешься.

– Понятно, – сказал Оуэн.

– Ты действительно в порядке? Хавьер беспокоится, что эта симуляция может быть для тебя немного трудной.

– Передайте ему мою благодарность за заботу, но я держусь.

– Передам, – пауза. – Похоже, образы снова появляются.

Черный дым пустоты рассеялся, и Чжи открыла глаза. Было позднее утро очередного жаркого дня, чему она была рада. В городе у них была вода и многочисленные бассейны. Деревья отбрасывали тень, дул легкий ветерок. Внизу, у монголов ничего этого не было.

Она встала, умылась и выпила чаю. Потом Чжи подняла неплотно прибитую половицу в комнате своего отца и положила туда его перчатку. Вернув доску на место, она пошла искать старика.

Город проснулся совсем недавно. Из оживленных разговоров Чжи поняла, что новости о битве минувшей ночью уже распространились. И хотя Ван Цзянь победил, город не будет таким, как прежде, пока Монгольская орда полностью не отступит.

Она прошла через центр города и двинулась по дороге, проходя мимо Большого Небесного Бассейна и мастерской инженеров с девятью котлами. Наконец она добралась до храма Ху Го. За ним находился Рыбный Уступ, где по легенде

гигант однажды поймал в реке несметное количество рыбы. Пройдя эту каменную местность, на противоположной стороне Чжи увидела Кана, который сидел возле своей хижины и чинил сетку.

– Рад тебя видеть, – сказал он. – Ты напомнила мне твоего отца, когда я смотрел, как тыходишь.

Она не хотела слышать, как он говорит об отце. Ей пока приходилось скрывать свое горе, даже от самой себя, но это ей не очень удавалось.

– У меня есть для вас ответ.

– Правда? – спросил он, не отрываясь от своих узлов. – И каков твой ответ?

– Я собираюсь убить хана Мункэ, – сказала она.

Он перестал плести, отложил сетку и поднял глаза на нее.

– Повтори.

– Я собираюсь убить хана Мункэ.

Он улыбнулся.

– Я верю тебе. Теперь можно начать твое настоящее обучение.

Глава 7

Шон только что насладился вкусной едой, а теперь его предок стоял у камина, прислонившись к каминной полке, и смотрел на огонь. Пребывая в пожилом возрасте, он недавно женился во второй раз. После ужина он уединился в своей библиотеке, в то время как его молодая жена и дочери сидели в гостиной. Брэндон Болстер был англичанином, который жил в своем имении в Ирландии. У него была прекрасная жизнь, и Шон решил, что он может легко остаться в этой

симуляции на долгое время, вне зависимости от того, есть ли там Частица Эдема или нет.

Дверь в библиотеку открылась, и вошел его сын Ричард.

– Ты должен кое-что увидеть, – сказал он.

Он не был на ужине с семьей, ведь его обязанности по управлению имением отнимали много времени. Иногда он мог не появляться в течение нескольких дней.

– Что это? – спросил Брэндон.

Сын протянул ему потрепанный лист бумаги.

– Это было прибито к воротам конюшни.

Брэндон нахмурился и взял записку. Она была написана корявым почерком, с ошибками, но смысл ее был предельно ясен даже Шону.

– Совсем не «Девяносто пять тезисов»[23 - Документ, написанный Мартином Лютером с изложением критики церкви и требованием реформации.], не так ли? – сказал Брэндон, посмеиваясь.

Ричард забрал записку и помахал ею перед лицом Брэндона.

– Это серьезно, отец. Ты не можешь ее проигнорировать. Они уже убивали крупный рогатый скот и крушили стены соседних имений.

– Я знаю.

– Тогда что мы будем делать?

– Что мы можем сделать? Ты предлагаешь нам уступить их требованиям?

Ричард посмотрел на записку.

– Нет... не всем из них.

– Не всем из них? – Брэндон отошел от каминной полки. – Но некоторым?

Ричард покачал головой.

– Я уже не знаю. Когда мы превратили этот участок в пастбище, я знал, что это расстроит некоторых арендаторов и фермеров, но я не думал, что это приведет к таким последствиям.

– Это наша земля, – сказал Брэндон, выхватывая записку из руки сына. – Мы имеем право делать с ней то, что хотим. И если мы сможем сделать участок более прибыльным, выпасая на нем скот, а не выращивая урожай, мы будем это делать, а эти наглые «Белые парни»[24 - Тайное общество аграриев, возникшее в XVIII веке в Ирландии. Среди таких обществ также были известными «Дубовые сердца», «Стальные сердца» и «Справедливые ребята».] пусть катятся к чертовой матери.

Он бросил записку в огонь, и она превратилась в черный пепел.

– Но мы забрали у них средства к существованию, – сказал его сын. – Некоторые из них больше не могут прокормить свои семьи. Мы не подумали о них.

Брэндон глубоко вздохнул, успокаиваясь.

– А мы обязаны о них думать?

– По закону или по совести?

– Есть разница? – спросил Брэндон.

– Порой я думаю, что есть.

– Я не вижу ее. Какая тут может быть совесть? Как владельцы этой земли мы обязаны обогащать ее, чтобы вы, и ваши дети, и дети ваших детей унаследовали процветающее состояние. Так наш народ поддерживает мир и порядок.

Его сын посмотрел на свои сапоги, и Брэндон заметил, что они были все в грязи, как у обычного рабочего. Ричард не потрудился снять их перед тем, как войти в дом, но сейчас было явно не до соблюдения приличий.

В потоке сознания Брэндона Шон медленно осознал ситуацию, с которой столкнулся его предок. В связи с неустойчивой экономической ситуацией в Ирландии многие из рабочих, фермеров и арендаторов остались без земли, и рассерженные крестьяне начали формировать тайные общества. «Белые парни», «Дубовые сердца» и другие бесчинствовали в сельской местности. В последнее время в графстве Корк, где жил Брэндон. Они выдвигали требования по использованию земли, угрожая насилием и разрушениями, если их требования не будут выполнены. Такие угрозы были и в записке, которую Ричард обнаружил на воротах конюшни.

– Что нам нужно сделать? – спросил Брэндон у своего сына.

– Встретиться с ними, – ответил Ричард. – Выслушать их и постараться достичь взаимопонимания.

– Встретиться с ними? – с недоверием переспросил Брэндон. – Это открытый бунт! Ты хочешь, чтобы я вел переговоры с этими разбойниками?

– Они фермеры, отец, а не разбойники.

– Они были фермерами.

Брэндон отвернулся от камина и стал спиной к сыну.

– Вот что случается, когда хорошие люди становятся обозленными бездельниками за выпивкой в пабах. Это не народное движение. Это шайка.

Ричард вздохнул.

– В записке было указано, что у нас есть время до завтрашнего вечера. Умоляю тебя, пересмотри свое отношение к этому, – сказав это, его сын вышел из библиотеки.

– Пустые угрозы, – сказал себе Брэндон, чувствуя спиной тепло, исходящее от камина.

* * *

На следующее утро, после бессонной ночи, которую Шон провел в серой пустоте беспамятства, Брэндон встал еще до рассвета, оделся и пошел осматривать свои земли.

Он двинулся по северной аллее через холм, где стоял его дом, и следовал вдоль открытых пастбищ и полей, огражденных каменными заборами и живыми изгородями. Эти стены были возведены недавно, чтобы держать скот в загонах. Когда он дошел до вершины холма, дорога плавно опускалась в лесистую долину. В голубом утреннем тумане виднелись верхушки дубов и тисов. Брэндон остановился там и присел на изгородь, лицом к западу. Он ждал и наблюдал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Государство в Китае, существовавшее с 960 по 1279 год.

2

Государство тангутов, существовавшее в 1038–1227 годах к северо-западу от китайского царства Сун и, позднее, чжурчжэньского Цзинь на территории современных китайских провинций Шэньси и Ганьсу.

3

Самая маленькая военная единица армии хана, насчитывавшая десяток воинов.

4

Четвертый великий хан (каган) (1251–1259) Монгольской империи, внук Чингисхана.

5

Третий сын Чингисхана и преемник своего отца в качестве кагана Монгольской империи (1229–1241).

6

Предводитель гуннов Аттила (?–453), захвативший ряд стран Европы в кровопролитных и жестоких набегах.

7

Военная единица армии хана, насчитывавшая тысячу воинов.

8

Наиболее крупная организационная тактическая единица монгольского войска XIII–XV веков, численность которой составляла обычно десять тысяч всадников.

9

Военная единица армии хана, насчитывавшая сотню воинов.

10

Дисциплина, сходная с паркуром, созданная Себастьяном Фуканом.

11

Группа афроамериканских пилотов, участвовавших во Второй мировой войне.

12

Детективное агентство, созданное Аланом Пинкертоном в 1850 году.

13

Американский одноместный истребитель дальнего радиуса действия периода Второй мировой войны.

14

Город на севере центральной части Мали, в 13 км к северу от реки Нигер.

15

Один из четырех имперских городов Марокко, четвертый по величине город страны.

16

Неверный, то есть исповедующий другую религию, кроме ислама, или вовсе не исповедующий никакой.

17

Субэтническая группа народа сонинке, традиционно вовлеченная в транссахарскую торговлю и распространение ислама в Западном и Центральном Судане. В Средние века вангара превратились в конфедерацию торговцев, контролировавших торговые пути и завладевших монополией в торговле золотом в областях к югу от Сахары.

18

Симфоническая поэма, написанная итальянским композитором Отторино Респиги.

19

Посттравматическое стрессовое расстройство – тяжелое психическое состояние, которое возникает в результате единичных или повторяющихся психотравмирующих ситуаций, которыми могут быть, например, участие в военных действиях, тяжелая физическая травма, сексуальное насилие либо угроза смерти.

20

Верховное божество неба политеистического пантеона народов Евразии тюрко-монгольского происхождения.

21

Первое божество монголов, создавшее землю, послав утку за илом со дна морского и водрузив доставленный комок глины на спину черепахи.

22

Крепость на горе Дяюй площадью 2,94 км², занимает полуостров, недалеко от слияния рек Цзялинцзян, Фуцзян и Цюйцзян, находится на территории национального парка «Гора Цзиньюньшань». Известна тем, что во время нашествия монголов в XIII веке выдержала осаду, длившуюся более тридцати лет.

23

Документ, написанный Мартином Лютером с изложением критики церкви и требованием реформации.

24

Тайное общество аграриев, возникшее в XVIII веке в Ирландии. Среди таких обществ также были известными «Дубовые сердца», «Стальные сердца» и «Справедливые ребята».

Купить: https://tellnovel.com/kirbi_met-yu/assassin-s-creed-poslednie-potomki-grobnica-hana

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)